НИКОЛАС

СПАРКС

Последняя песня

Спаркс: чудо любви

Николас Спаркс

Последняя песня

«Издательство АСТ»

2009

УДК 821.111(73)
ББК 84 (7Сое)

Спаркс Н.

Последняя песня / Н. Спаркс — «Издательство АСТ», 2009 — (Спаркс: чудо любви)

ISBN 978-5-17-087108-7

Роман, изданный в более чем 30 странах и сразу же возглавивший списки бестселлеров «USA Today» и «New York Times»! История сложных взаимоотношений, определяющих судьбы и формирующих характеры. История любви, навсегда изменившей жизнь. Любви, для которой нет преград. Любви, ради которой мы готовы на все. Любви, которую невозможно забыть и которая не только разбивает сердца, но и исцеляет их. Любви, которая остается с нами навсегда…

УДК 821.111(73)
ББК 84 (7Сое)

ISBN 978-5-17-087108-7

© Спаркс Н., 2009
© Издательство АСТ, 2009

Содержание

От автора 6
Пролог 7
Ронни 7
Ронни 9
Стив 13
Ронни 20
Маркус 27
Уилл 29
Ронни 36
Уилл 41
Ронни 43
Стив 47
Ронни 52
Конец ознакомительного фрагмента. 57

Николас Спаркс
Последняя песня

Посвящается Терезе Парк и Грегу Ирикуре, моим друзьям

Nicholas Sparks
THE LAST SONG

Перевод с английского Т.А. Перцевой

Печатается с разрешения Willow Holdings, Inc. и литературных агентств The Park Literary Group LLC и Andrew Nurnberg.

© Nicholas Sparks, 2009

От автора

Я, как всегда, хотел бы вначале поблагодарить Кэти, мою жену и мою мечту. Наши двадцать лет были изумительными, и, просыпаясь утром, я прежде всего думаю о том, как счастлив провести эти годы с тобой.

Мои дети – Майлз, Райан, Ландон, Лекси и Саванна – источники бесконечной радости в моей жизни. Я люблю вас.

Джейми Рааб, мой редактор в «Гранд-Сентрал паблишерз», неизменно заслуживает моей благодарности, не только за блестящее редактирование, но и за доброту, которую она всегда мне выказывает. Спасибо.

Дениз Динови, продюсер «Послания в бутылке», «Спеши любить», «Ночей в Роданте» и «Счастливчика», не только гений, но и один из самых дружелюбных людей, которых я знаю. Благодарю за все.

Дэвид Янг, руководитель «Хачетт бук груп», заслужил мои уважение и благодарность за те годы, что мы работаем вместе. Спасибо, Дэвид.

Дженнифер Романелло и Эдна Фарли, мои издатели, не только хорошие друзья, но и прекрасные люди. Благодарю за все.

Харви-Джейн Кауэл и Сона Вогел, как обычно, заслужили мою благодарность хотя бы лишь потому, что я всегда задерживаю свои рукописи, что сильно затрудняет их работу.

Хауи Сандерс и Кейя Хайятьян, мои непревзойденные литературные агенты! Спасибо за все, приятели.

Скотт Шуимер, мой поверенный, – самый лучший в своем деле. Спасибо, Скотт!

И мое спасибо Марти Боуэну, продюсеру «Дорогого Джона», а также Линн Харрис и Марку Джонсону.

Аманда Кардинале, Эбби Кунс, Эмили Суит и Шэрон Крассней также заслуживают моей благодарности. Я ценю все, что вы делаете.

Семья Сайрус заслуживает моей благодарности не только за то, что приняла меня в своем доме, но и за все, что сделала для фильма. И моя особая благодарность – Майли, выбравшему имя для Ронни. Едва услышав его, я понял: это идеальный вариант.

И наконец, благодарность Джейсону Риду, Дженнифер Джибгот и Адаму Шанкману за их работу над киноверсией «Последней песни».

Пролог

Ронни

Глядя в окно спальни, Ронни гадала, успел уже пастор Харрис прийти в церковь или нет. Скорее всего пришел. И, наблюдая, как волны разбиваются о берег, она задавалась вопросом: сумеет ли он по-прежнему любоваться игрой света, струившегося в витражах над его головой? Возможно, нет: витражи были установлены более месяца назад, а пастор слишком занят своими мыслями, чтобы обращать внимание на окружающих. Все же она надеялась, что кто-то из новых прихожан забредет сегодня в церковь и испытает то же ощущение чуда, которое посетило ее, когда она впервые увидела свет, наполняющий церковь, в тот холодный ноябрьский день. И еще она надеялась, что посетитель найдет время подумать о том, откуда взялись витражи, и восхититься их красотой.

Она не спала уже около часа, но еще не была готова встретить новый день. Каникулы в этом году ощущаются как-то иначе. Вчера она повела младшего брата Джону на прогулку по берегу. На верандах домов, мимо которых они проходили, то тут, то там виднелись рождественские ели. В это время года здесь оставалось совсем мало людей, но Джону не интересовали ни волны, ни чайки, забавлявшие его всего несколько минут назад. Он хотел одного: бежать в мастерскую, – и Ронни отвела его туда, хотя он провел там всего несколько минут, прежде чем без единого слова уйти.

На тумбочке, рядом с кроватью, лежала стопка фотографий в рамках, которые она утром забрала из ниши маленького пляжного домика. Ронни в тишине рассматривала их, пока не услышала стук. Ма просунула голову в дверь.

– Завтракать будешь? Я нашла в буфете овсяные хлопья.

– Я не голодна, ма.

– Нужно хоть что-то съесть, милая.

Ронни продолжала смотреть на груду фотографий отсутствующим взглядом.

– Я была не права, ма. И теперь не знаю, что делать.

– Это ты об отце?

– Обо всем.

– Хочешь поговорить?

Не дождавшись ответа, мать подошла и села рядом.

– Иногда совсем неплохо выговориться. Сразу легче становится. Последние дни от тебя слова не дождешься.

Волна воспоминаний нахлынула на Ронни: пожар и восстановление церкви, витражи, песня, которую она наконец закончила.

Ронни думала о Блейзе, Скотте и Маркусе. И об Уилле, конечно. Ей всего восемнадцать, но позади осталось лето, когда ее предали. Когда арестовали. То лето, когда она влюбилась. Все случилось совсем недавно, и все же иногда она чувствовала, что тогда была иным человеком.

– Как насчет Джоны? – вздохнула она.

– Его нет. Брайан повел его в обувной. Он настоящий щенок, у которого ноги растут быстрее всех остальных частей тела.

Ронни улыбнулась, но улыбка померкла так же быстро, как появилась. Ма молча собрала ее волосы и скрутила в конский хвостик на затылке. Она делала это с тех пор, когда дочь была совсем маленькой. И как ни странно, Ронни и сейчас это успокаивало.

– Скажу тебе вот что, – продолжала ма, подходя к шкафу и ставя чемодан на кровать. – Почему бы нам не поговорить, пока складываешь вещи?

– Я даже не знаю, с чего начать.

– Лучше всего сначала. Джона что-то упоминал о черепахах?

Ронни скрестила руки, зная, что история началась раньше.

– Не совсем. Хотя, когда это случилось, меня там не было; думаю, что на самом деле лето началось с пожара.

– Какого пожара?

Ронни потянулась к фотографиям, осторожно вынула лежавшую между двумя рамками потертую газетную вырезку и протянула матери.

– Вот какого. В церкви.

«Полиция подозревает, что причина поджога церкви – запрещенный фейерверк. Пострадал пастор.

Райтсвилл-Бич, Северная Каролина. Пожар уничтожил историческое здание первой баптистской церкви в самый канун Нового года, и следователи подозревают, что причина – запущенная петарда.

Пожарных вызвали анонимным звонком. По словам начальника пожарной команды Райтсвилл-Бич Тома Райана, они, прибыв в начале первого на берег, где находилась церковь, обнаружили огонь и дым, вырывавшиеся из задней части строения.

На месте источника возгорания были найдены остатки бутылочной ракеты от фейерверка.

Пастор Чарли Харрис находился в церкви, когда начался пожар, и был госпитализирован в региональный медицинский центр Нью-Гановера с ожогами второй степени на ногах и руках. В настоящее время проходит курс лечения в отделении интенсивной терапии.

Это уже вторая сгоревшая церковь за два месяца в округе Нью-Гановер. В ноябре ковенантская церковь Доброй Надежды была уничтожена полностью.

– Полицейские до сих пор считают этот пожар подозрительным, называют наиболее вероятной причиной поджог, – отметил Райан.

Свидетели показывают, что менее чем за двадцать минут до пожара видели бутылочные ракеты, которые запускались с берега за церковью, – возможно, в честь наступления Нового года.

– Бутылочные ракеты, запрещенные в Северной Каролине, особенно опасны в нынешнюю засушливую погоду, – предупреждает Райан. – Этот пожар ясно показывает, почему именно. Человек в больнице, а церковь полностью сгорела».

Когда ма закончила читать и вопросительно посмотрела на дочь, та поколебалась, но потом со вздохом начала рассказывать историю, по-прежнему казавшуюся ей совершенно бессмысленной, даже сейчас, когда все осталось в прошлом.

Ронни

Шесть месяцев назад

Ронни съежилась на переднем сиденье машины, гадая, почему, спрашивается, мать и отец так ее ненавидят. Она решительно не могла понять, почему ей пришлось приехать к отцу, в эту безнадежную южную глушь, к черту на рога, вместо того чтобы проводить время с друзьями на Манхэттене.

Нет, оставим это. Она не просто навещает отца. Навещать – означает пробыть здесь уикэнд-другой, может, даже две недели. Положим, просто визит вежливости она еще могла бы вынести. Но остаться почти до конца августа? Почти на все лето?! Настоящая ссылка! Почти все девять часов, которые заняла поездка, она чувствовала себя заключенной, которую переводят в провинциальную тюрьму. Невозможно поверить, что мать действительно решила отправить ее сюда!

Ронни была так погружена в собственные горестные мысли, что не сразу узнала моцартовскую шестнадцатую сонату до-мажор. Одна из вещей, которую она играла в «Карнеги-холле» четыре года назад. Должно быть, ма поставила ее, пока Ронни спала. Жаль, конечно, но…

Ронни потянулась, чтобы выключить звук.

– Зачем это ты? – нахмурилась ма. – Люблю слушать, как ты играешь.

– А я – нет.

– Может, просто приглушить звук?

– Прекрати, ма! Я не в том настроении, – буркнула Ронни и отвернулась к окну, прекрасно сознавая, что губы ма плотно сжаты. Последнее время это вошло у нее в привычку. Можно подумать, ее рот намагнитили!

– Я, кажется, видела пеликана, когда мы переезжали мост к Райтсвилл-Бич, – заметила ма с деланной веселостью.

– Вот здорово! Может, тебе следовало бы позвать Охотника на крокодилов?

– Он умер, – сообщил Джона, перекрывая писк игровой приставки. Ее девятилетний младший братец-надоеда обожал это шоу. – Неужели не помнишь? Такая жалость!

– Конечно, помню.

– По твоему голосу что-то непохоже.

– Но я все равно помню.

– В таком случае не следовало говорить то, что ты сейчас сказала.

На этот раз она не потрудилась ответить. Брату всегда необходимо оставить за собой последнее слово, и это буквально сводило Ронни с ума.

– Ты хоть немного вздремнула? – спросила ма.

– Пока ты не угодила колесом в эту рытвину. Кстати, большое за это спасибо! Я едва не разбила головой стекло!

Взгляд матери оставался прикованным к дороге.

– Рада, что сон привел тебя в хорошее расположение духа.

Ронни сунула в рот жвачку и усердно заработала челюстями. Мать ненавидела подобные вещи, а дочь назло безостановочно жевала, пока они ехали по I-95. Ронни чувствовала себя подавленной, и это шоссе казалось самым тоскливым отрезком пути. Омерзительно жирный фаст-фуд, грязные придорожные туалеты и миллиарды сосен… Серая монотонность могла убаюкать любого пассажира.

Именно это Ронни и твердила матери в Делавэре, штат Мэриленд, и в Виргинии, но ма каждый раз решительно отметала ее жалобы. И вообще, если не считать того, что мать старалась быть вежливой, поскольку виделись они в последний раз перед долгой разлукой, она

почти не разговаривала. Ей было тяжело вести машину, тем более что раньше они либо ездили в метро, либо брали такси. В их квартире мать вела себя по-другому, и управляющий домом за последние два месяца заходил несколько раз, чтобы просить ее поменьше шуметь. Ма, возможно, считала, что чем громче она вопит на Ронни из-за плохих оценок, или не тех друзей, или по поводу того, что дочь постоянно нарушала свой «комендантский час», или ИНЦИДЕНТ, особенно ИНЦИДЕНТ, тем вероятнее, что она послушается и начнет исправляться.

Ладно, она не худшая на свете мать. Точно не худшая. А когда на Ронни находил приступ великодушия, она даже признавала, что мать совсем не плоха. Просто ее сознание застряло в том искривленном временном периоде, когда дети навсегда оставались маленькими. Ронни в сотый раз пожалела, что родилась в мае, а не в августе. Теперь бы ей уже исполнилось восемнадцать и мать не смогла бы ее ни к чему принудить. С точки зрения закона она была бы достаточно взрослой, чтобы самостоятельно принимать решения. И скажем прямо: поездка к отцу отнюдь не значилась в списке ее желаний.

Но пока что у Ронни просто не было выбора. Потому что ей все еще было семнадцать. Ах эти происки календаря! Почему мать забеременела на три месяца раньше, чем следовало бы? И что из этого следует?

Как бы униженно ни просила, ни жаловалась, ни вопила и ни ныла Ронни, летние планы остались неизменными. Ронни и Джона проведут лето с отцом, и все тут! Никаких «если», «и» или «но», как обычно выражалась мама. Ронни просто возненавидела эту манеру выражения.

Едва они пересекли мост, начались заторы на дороге, и машины еле ползли. В стороне между домами поблескивала вода. Океан! Бр-р! Можно подумать, ей это интересно!

– Почему ты заставляешь меня это делать? – снова простонала она.

– Мы уже все обсудили. Тебе следует провести немного времени с отцом. Он скучает.

– Но почему все лето? Почему не пару недель?

– Вам нужно побыть вместе больше, чем пару недель. Ты не видела его три года.

– Но я не виновата. Он сам от нас ушел.

– Да, но ты не подходила к телефону, когда он звонил. И каждый раз, когда приезжал в Нью-Йорк повидаться с тобой и Джоной, ты его игнорировала и таскалась по всему городу со своими друзьями.

– Не хочу его видеть. И говорить не хочу! – отрезала Ронни.

– Попытайся вести себя прилично, договорились? Твой отец хороший человек и любит тебя.

– И поэтому бросил нас?

Вместо ответа мать глянула в зеркало заднего вида.

– А ты, Джона? Ждешь не дождешься встречи с отцом?

– Шутишь? Да это потрясная идея!

– Я рада, что ты так славно настроен. Может, ты сумеешь научить этому сестру.

– Ну да, как же, научишь ее! – фыркнул он.

– Все равно не понимаю, почему я не могу провести лето с друзьями! – заныла Ронни, пытаясь настоять на своем. Она еще не сдалась, и хотя понимала, что шансы равны нулю, все же лелеяла мечту убедить ма развернуться и поехать обратно.

– То есть ты предпочла бы постоянно торчать в клубах? Я не так наивна, Ронни! И знаю, что творится в подобных местах.

– Я ничем таким не занимаюсь, ма!

– А как насчет плохих отметок? Твоего условного срока? И…

– Нельзя ли поговорить о чем-то другом? Например, почему так необходимо проводить время с отцом?

Мать не сочла нужным ответить, и Ронни вполне сознавала, что на это у нее есть веские причины.

Поток машин неожиданно пришел в движение, и они проехали еще полквартала, прежде чем снова остановиться. Мать подняла стекло и попыталась понять, что творится впереди.

– Не понимаю, что происходит, – пробормотала она. – Откуда такая пробка!

– Это все пляж. Там всегда полно народу, – пояснил Джона.

– Всего три часа дня и воскресенье! Час пик еще не наступил!

Ронни подобрала ноги, отчетливо ощущая, как ненавистна ей такая жизнь и все, что вокруг нее.

– Слушай, ма, – спросил Джона, – па знает, что Ронни арестовали?

– Знает.

– И что теперь сделает?

На этот раз ответила Ронни:

– Ничего он не сделает. Можно подумать, его интересует что-то, кроме пианино!

Сама Ронни ненавидела пианино и клялась, что больше никогда не будет играть, – решение, которое находили странным даже лучшие друзья, поскольку музыка была огромной частью ее жизни, сколько она себя помнила. Ее отец, когда-то преподававший в джульярдской школе, учил музыке и дочь, и та очень долго сгорала от желания не только играть, но и сочинять музыку вместе с па.

Она была очень талантлива. Очень! Благодаря связям отца в Джульярде дирекция и педагоги знали о ее способностях. В том замкнутом круге, где проходила жизнь ее отца, существовал девиз: «Классическая музыка превыше всего!». В этом же музыкальном мире вскоре стали распространяться слухи о ее гениальности. За слухами последовали пара статей в специализированных журналах, а затем большое интервью в «Нью-Йорк таймс», в котором подчеркивалась духовная связь отца с дочерью. Все это четыре года назад неизбежно привело к столь желанным для многих молодых музыкантов выступлениям в «Карнеги-холле». Это, вероятно, стало пиком ее карьеры. Именно пиком, Ронни отнюдь не было свойственно недооценивать свои успехи. Она прекрасно сознавала, как редко выпадают на долю начинающих исполнителей подобные возможности, но последнее время то и дело задавалась вопросом, стоило ли приносить все эти жертвы. Никто, кроме родителей, скорее всего не помнил о ее выступлениях. И всем было плевать. Ронни давно усвоила, что, если у тебя нет популярного видео на «YouTube» или если не можешь выступать перед многотысячными аудиториями, талант ровным счетом ничего не значит.

Иногда она жалела о том, что отец не дал ей в руки электрогитару или по крайней мере не отвел на вокал. Чем можно заняться, имея способности только к игре на фортепьяно? Давать уроки музыки в местной школе? Или играть в вестибюле отеля, пока люди регистрируются у стойки? Или жить такой же нелегкой жизнью, как у отца? Подумать только, до чего довело его фортепьяно! Кончилось тем, что он ушел из Джульярда, чтобы стать гастролирующим пианистом, но оказалось, что играть приходится в никому не известных залах перед парой десятков зрителей. Он путешествовал сорок недель в год – достаточно долго, чтобы поставить под удар семейную жизнь. Не успела Ронни опомниться, как мать стала постоянно орать и скандалить с домашними, а отец, как всегда, замыкался в своей раковине, пока в один прекрасный день вообще не вернулся домой из долгого турне по южным штатам. Насколько знала Ронни, теперь он совсем нигде не работал. Даже не давал частных уроков.

«И каково тебе приходится, отец?»

Ронни покачала головой. Ей мучительно не хотелось ехать туда. Бог видит, она не желает иметь со всем этим ничего общего.

– Эй, ма! – позвал Джона. – Смотри, что там? Колесо обозрения?

Мать вытянула шею, пытаясь увидеть хоть что-то.

– По-моему, да, милый. Наверное, приехал цирк с аттракционами.

– А можно нам пойти? После того как поужинаем вместе?

– Тебе придется спросить папу.

– Да, а потом можно посидеть у костра и поджарить зефир, – вставила Ронни. – Как будто мы одна большая счастливая семья.

На этот раз ее замечание мать и брат сочли за благо пропустить мимо ушей.

– Как по-твоему, у них есть еще аттракционы? – допытывался Джона.

– Уверена, что есть. И если па не захочет тебя повести, с тобой пойдет сестра.

– Класс!

Ронни обмякла на сиденье. Следовало знать, что ма предложит что-то в этом роде! Страшно подумать, какая тоска ее ожидает!

Стив

В ожидании приезда детей Стив Миллер с полным самозабвением отдавался музыке. Теперь уже скоро. В любую минуту.

Пианино стояло в небольшой нише, рядом с маленькой гостиной пляжного бунгало, которое Стив теперь именовал домом.

За спиной были расставлены предметы, хранившие память о прошлом. Не слишком-то их много. Если не считать пианино, Ким смогла упаковать его пожитки в одну коробку, а у него ушло менее получаса, чтобы все расставить по местам. Фотография, на которой его родители и он, совсем еще мальчик. Еще один снимок: он подростком играет на фортепьяно. Это фото висит между полученными им дипломами Чейпл-Хилл и Бостонского университета. Чуть ниже – благодарственная грамота от руководства Джульярда, где он преподавал пятнадцать лет. Около окна – три расписания в рамках с указанием дат турне. Но больше всего он дорожил снимками Джоны и Ронни. Часть висела на стене, часть, вставленная в рамки, стояла на пианино. Каждый раз, глядя на них, он вспоминал о том, что, несмотря на благие намерения, его ожидания не оправдались.

Вечернее солнце тянулось в комнату косыми лучами, отчего воздух все больше нагревался и на лбу Стива выступили капли пота. Хорошо еще, что живот болит меньше, чем утром, но последнее время он ужасно нервничает, и, конечно, все начнется снова. У Стива всегда был слабый желудок: в двадцать лет у него обнаружили язву и положили в больницу, в тридцать пять – удалили аппендикс, который лопнул, когда Ким была беременна Джоной. Он глотал таблетки горстями, годами сидел на нексиуме, и хотя сознавал, что следовало бы питаться лучше и двигаться больше, все же сомневался, что это поможет. Проблемы с желудком были наследственными.

Смерть отца шесть лет назад изменила Стива, и с тех пор у него началось нечто вроде депрессии. Пять лет назад он подал в отставку, а еще через год решил начать карьеру концертирующего пианиста, а три года назад они решили развестись. Год спустя концертов стало меньше, ручеек заявок начал пересыхать, пока не высох окончательно. В прошлом году он перебрался сюда, в город, где вырос, в место, которое, как он думал, никогда больше не увидит. Теперь он собирался провести лето с детьми, и хотя пытался представить, что принесет осень, когда Ронни и Джона вернутся в Нью-Йорк, точно знал только одно: листья пожелтеют, а потом и покраснеют, а по утрам изо рта будут вырываться клубы пара. Он давно уже не пытался заглядывать в будущее…

Но это его не волновало. Он знал, что строить замки на песке бессмысленно, и, кроме того, плохо разбирался даже в прошлом. Одно знал наверняка: он самый обыкновенный человек, заплутавший в мире, обожавшем экстраординарное, шумное, яркое, и при мысли об этом его охватывало смутное разочарование жизнью, которую вел. Но что можно сделать? В отличие от Ким, веселой и общительной, он всегда был сдержанным и старался смешаться с толпой. Хотя он обладал определенными способностями музыканта и композитора, все же был лишен харизмы и умения подать товар лицом, какой-то изюминки, сразу выделяющей человека из десятков ему подобных. Временами даже он признавал, что в этом мире был скорее всего лишь сторонним наблюдателем, чем участником происходящего, и в моменты особенно болезненного самокопания иногда считал себя неудачником во всем, что казалось важным ему и окружающим. Ему сорок восемь лет. Брак распался, дочь бежит от него как от огня, а сын растет без отца. Если хорошенько подумать, некого винить, кроме себя, и больше всего на свете он хотел знать: возможно ли для такого, как он, ощутить присутствие Бога…

Десять лет назад ему в голову не приходило задаваться подобными вопросами. Даже два года назад. Но средний возраст неминуемо сопряжен с кризисом. Хотя когда-то Стив верил,

что ответ кроется в музыке, которую писал. Теперь он подозревал, что ошибся. Чем больше он думал об этом, тем яснее понимал, что для него музыка скорее была отходом от реальности, чем возможностью самовыражения. Да, он переживал страсть и катарсис в музыке Чайковского или ощущал некую завершенность, когда писал собственные сонаты, но теперь понимал, что стремление уйти в музыку связано не столько с Богом, сколько с эгоистическим желанием спрятаться в свою раковину. Теперь он верил, что истинный ответ кроется в той любви, которую он испытывает к детям, в боли, терзающей его, когда он просыпается в притихшем доме и сознает, что их здесь нет. Но даже тогда он понимал, что есть еще и нечто большее.

Иногда он надеялся, что дети помогут ему найти это большее.

И тут Стив заметил, что солнце отражается от лобового стекла пыльного микроавтобуса, припаркованного у дверей. Он и Ким купили его много лет назад для поездок в Костко на уикэнды и семейных пикников. Интересно, не забыла ли она сменить масло, прежде чем выехала из дому? Или хотя бы с тех пор, как они расстались? Возможно, нет. Ким никогда не разбиралась в подобных вещах, поэтому прежде эти обязанности ложились на Стива.

Но эта часть его жизни закончилась.

Стив поднялся и вышел на крыльцо. Джона уже мчался к нему: волосы растрепаны, очки криво сидят на носу, а ноги и руки не толще карандашей. У Стива перехватило горло. Сколько же он всего упустил за последние три года!

– Па!

– Джона! – завопил Стив, бегом пересекая двор.

Джона, как обезьянка, прыгнул на него. Стив пошатнулся и едва устоял на ногах.

– Как ты вырос! – пробормотал он.

– А ты стал ниже ростом, – «обрадовал» Джона. – И ужасно тощий.

Стив крепко обнял сына, перед тем как поставить на ноги.

– Я рад, что ты здесь.

– Я тоже! А ма и Ронни все время ругались.

– Ничего тут хорошего нет.

– Да пусть! Я не слушал. Только разве когда их подначивал.

– Вот как, – пробормотал Стив.

Джона поправил очки на переносице.

– Почему ма не позволила нам лететь?

– А ты ее спрашивал?

– Нет.

– Может, стоило спросить?

– Да ладно, не важно. Я просто так.

Стив улыбнулся. Совсем забыл, какой у него разговорчивый сын!

– Эй, это твой дом?

– Именно так.

– Это место приводит в трепет, – важно произнес мальчик.

Он это серьезно? Дом менее всего способен привести в трепет. Бунгало – самое старое из всех построек на Райтсвилл-Бич и зажато двумя массивными зданиями, отчего кажется еще меньше. Краска отслаивается, черепица местами крошится, на крыльце завелась гниль. Никого не удивит, если следующий же шторм окончательно разрушит эту развалину, чему соседи, вне всякого сомнения, очень обрадуются. С тех пор как он сюда переехал, никто с ним даже не поздоровался.

– Тебе правда нравится? – уточнил Стив.

– Привет! Он ведь прямо на пляже! Чего еще хотеть!

Джона показал на океан.

– Можно пойти посмотреть?

– Конечно. Только оставайся за домом. Не отходи далеко.

– Заметано!

Стив проводил его взглядом и, обернувшись, увидел идущую навстречу Ким. Ронни тоже вышла, но переминалась у машины.

– Хай, Ким, – пробормотал он.

– Стив!

Она подошла поближе и обняла его.

– Как ты? Вроде похудел.

– Я в порядке.

Стив заметил, что Ронни нехотя плетется к нему. Его потрясло, как сильно она изменилась по сравнению с последним фото, присланным Ким по имейл. Куда девалась типичная американочка, которую он помнил? Теперь перед ним была молодая женщина с фиолетовой прядью в длинных каштановых волосах, черным лаком на ногтях и в темной одежде. Несмотря на очевидные признаки подросткового эпатажа, он снова подумал, как сильно она похожа на мать. Да и Ким все так же прекрасна.

Стив нервно откашлялся.

– Привет, солнышко. Рад тебя видеть.

Не дождавшись ответа, Стив тяжело вздохнул. Ким сурово нахмурилась:

– Не смей так себя вести! С тобой отец говорит! Скажи что-нибудь.

Ронни вызывающе скрестила руки.

– Ладно. Как насчет этого: я не собираюсь играть для тебя на пианино.

– Ронни! – раздраженно воскликнула Ким.

– Что? – тряхнула головой девушка. – По-моему, лучше сразу все выяснить.

Прежде чем Ким раскрыла рот, Стив предостерегающе покачал головой. Не хватало еще скандалов!

– Все нормально, Ким.

– Да, ма! Еще бы не нормально, – прошипела Ронни. – Мне нужно размяться. Я иду гулять.

Пока она удалялась, Стив наблюдал, как Ким борется с желанием позвать дочь. Но она справилась с собой и промолчала.

– Долгий путь? – спросил он, пытаясь разрядить обстановку.

– И тяжелый.

Он улыбнулся, подумав, как легко представить хоть на секунду, что они по-прежнему муж и жена, одна команда и все еще влюблены друг в друга.

Вот только ничего этого уже не было…

Разгрузив вещи, Стив пошел на кухню, где положил кубики льда в разнокалиберные стаканы, которые достались ему вместе с домом. В комнату вошла Ким. Он потянулся к кувшину со сладким чаем, налил два стакана и один протянул ей. За окном Джона то гонялся, то убегал от волн, над которыми летали чайки.

– Похоже, наш Джона решил развлечься.

Ким шагнула к окну.

– Он целую неделю донимал меня, требуя поскорее ехать, – пояснила она и, поколебавшись, добавила: – Он по тебе скучал.

– А я по нему.

– Знаю, – кивнула она и, отхлебнув чаю, огляделась. – Это и есть твой дом? Весьма… своеобразно.

– Полагаю, под своеобразием ты подразумеваешь дырявую крышу и отсутствие кондиционера?

Ким смущенно улыбнулась.

– Конечно, не дворец, но здесь спокойно, и я могу любоваться восходами.

– И церковь позволяет тебе жить здесь бесплатно?

Стив кивнул.

– Дом принадлежал Карсону Джонсону, местному умельцу, и когда тот умер, завещал дом церкви. Пастор Харрис позволил мне остаться, пока они не решат продать дом.

– И каково это – вернуться на родину? Ведь твои родители жили именно здесь? В трех кварталах отсюда?

Вообще-то в семи. Что-то вроде.

– Да все в порядке, – пожал плечами Стив.

– Теперь здесь столько народу. Все так изменилось с того времени, как я в последний раз здесь была.

– Все меняется, – пробормотал он и, облокотившись на стойку, скрестил ноги. – Итак, когда настанет счастливый день? – спросил он, меняя тему. – Для тебя и Брайана.

– Стив… не стоит…

– Да нет, я ничего не имел в виду, – заверил он, поднимая руку. – И рад, что ты кого-то нашла.

Ким уставилась на него, явно гадая, стоит ли пропустить его слова мимо ушей или ступить на запретную территорию.

– В январе, – решилась она наконец. – Но я хочу, чтобы ты знал… Дети… Брайан не собирается занять твое место. И он тебе понравится.

– О, я в этом уверен, – кивнул он, глотнув чаю. – А как дети к нему относятся?

– Джоне он, похоже, нравится. Но Джоне нравятся все.

– А Ронни?

– Она ладит с ним примерно так же, как с тобой.

Он рассмеялся, прежде чем успел заметить, что она чем-то встревожена.

– Как она на самом деле?

– Не знаю, – вздохнула Ким. – И не думаю, что она сама знает. Она постоянно пребывает в мрачном, угрюмом настроении. Несмотря на мои запреты, возвращается домой поздно, и когда я пытаюсь поговорить с ней, в лучшем случае получаю в ответ «наплевать». Я стараюсь списать это на переходной возраст, потому что помню, какой была сама, но…

Она покачала головой.

– Видел ее манеру одеваться? И волосы, и эту кошмарную тушь?

– Угу…

– И?..

– Могло быть хуже.

Ким открыла рот, чтобы возразить, но, не услышав ответа, Стив понял, что был прав. Несмотря на все выходки, несмотря на страхи Ким, Ронни остается Ронни.

– Наверное, – согласилась она. – Нет, точно. Но последнее время с ней так трудно! Временами она бывает прежней милой Ронни. Особенно с Джоной. Хотя они дерутся как кошка с собакой, она по-прежнему каждый уик-энд приводит его в парк. И когда у него были затруднения с математикой, она вечерами с ним занималась. Что очень странно, потому что сама она на уроки плюет. Я не говорила тебе, но в феврале заставила ее сдать школьные оценочные тесты. Она не ответила ни на один вопрос. Представляешь, какой умной нужно быть, чтобы так отличиться.

Стив рассмеялся. Ким нахмурилась.

– Не смешно!

– Очень смешно.

– Тебе не приходилось воспитывать ее последние три года!

Стиву стало стыдно.

– Ты права, прости. А что сказал судья насчет ее воровства в магазинах?

– Только то, о чем я говорила тебе по телефону, – обреченно пробормотала она. – Если она снова не попадет в беду, срок с нее снимут. А если снова примется за свое, тогда… – Она не договорила.

– Ты чересчур волнуешься… – начал он.

Ким отвернулась.

– Проблема в том, что это не в первый раз. Она призналась, что стащила в прошлом году браслет. Теперь утверждает, что, покупая целую кучу всего в драгсторе, не смогла удержаться и сунула помаду в карман. Заплатила за все, и когда смотришь видео, это действительно кажется ошибкой, но…

– Но ты не уверена.

Ким не ответила. Стив покачал головой.

– Ей еще далеко до объявлений «Разыскивается опасный преступник». Девочка запуталась. Но у нее всегда было доброе сердце.

– Это не значит, что сейчас она говорит правду.

– Но и не значит, что она лжет!..

– Так ты ей веришь?

На ее лице отразилась борьба надежды со скептицизмом.

Он молчал, пытаясь разобраться в своих чувствах, хотя делал это сто раз с тех пор, как Ким все ему рассказала.

– Да. Я верю ей, – выговорил он наконец.

– Почему?

– Потому что она хорошая девочка.

– Откуда тебе знать? – бросила она, впервые за все это время рассердившись. – Когда ты видел ее в последний раз, она заканчивала среднюю школу!

Ким отвернулась и, сложив руки на груди, выглянула в окно.

– Ты сам знаешь, что мог бы вернуться, – с горечью продолжала она. – Снова преподавать в Нью-Йорке. Не обязательно разъезжать по всей стране, не обязательно перебираться сюда, ты мог бы постоянно присутствовать в их жизни.

Слова больно жалили, но Стив понимал, что она права. Все было не так просто по причинам, которые оба понимали, но не желали признаваться в этом самим себе.

Прошло несколько минут напряженного молчания, прежде чем Стив снова заговорил:

– Я только пытаюсь сказать, что Ронни умеет отличить хорошее от плохого. Как бы высоко она ни ценила свою независимость, все же уверен, что она осталась такой, как была. В главном она совсем не изменилась.

Прежде чем Ким успела сообразить, как ответить, в комнату ворвался раскрасневшийся Джона.

– Па! Я нашел классную мастерскую! Пойдем! Я хочу тебе показать.

Ким подняла брови.

– Это на задах дома, – пояснил Стив. – Хочешь посмотреть?

– Это потрясающе, ма.

Ким отвернулась от Стива и улыбнулась Джоне.

– Все в порядке. И больше похоже на отношения отца с сыном. Кроме того, мне пора.

– Уже? – спросил Джона.

Стив знал, как трудно придется Ким, поэтому ответил за нее:

– Твоей маме предстоит долгая дорога назад. И кроме того, я хотел вечером повести тебя в цирк. Хочешь?

Плечи Джоны слегка опустились.

– Наверное… – прошептал он.

После того как Джона попрощался с матерью (Ронни нигде не было видно), Стив с сыном направились в мастерскую, невысокую хозяйственную постройку со скошенной жестяной крышей.

Последние три месяца Стив проводил здесь почти все дни в окружении всякого хлама и маленьких листов цветного стекла, которые Джона сейчас исследовал. В центре мастерской был большой рабочий стол с начатым витражом, но Джону, казалось, больше интересовали фантастические чучела, стоявшие на полках, – работы прежнего хозяина. И действительно, странно было видеть полубелку, полурыбу или голову опоссума на теле курицы.

– Что это такое? – удивлялся Джона.

– Предполагается, что искусство.

– Я думал, что искусство – это картины и всякое такое.

– Верно. Но искусство, оно разное.

Джона наморщил нос, глядя на полукролика-полузмею.

– На искусство не похоже.

Когда Стив улыбнулся, Джона показал на незаконченный витраж:

– Это тоже его?

– Вообще-то мое. Я делаю его для церкви, той, что совсем рядом. В прошлом году она сгорела, и окно было уничтожено огнем.

– Я не знал, что ты умеешь делать окна.

– Веришь или нет, но меня научил тот умелец, что здесь жил.

– И который сделал всех этих животных.

– Именно так.

– Ты его знал?

Стив подошел к сыну.

– В детстве я часто пробирался сюда, вместо того чтобы сидеть на уроках закона Божия. Он делал витражи для всех окрестных церквей. Видишь картину на стене?

Стив показал на снимок с изображением воскресения Христа, прислоненный к одной из полок. В таком хаосе ее нелегко разглядеть!

– Будем надеяться, что готовый витраж будет выглядеть точно так же.

– Потрясающе! – прошептал Джона, и Стив снова улыбнулся. Очевидно, это новое любимое словечко сына. Интересно, сколько раз придется услышать его этим летом?

– Хочешь помочь?

– А можно?

– Я на тебя рассчитывал.

Стив осторожно толкнул сына в бок.

– Мне нужен хороший помощник.

– А это трудно?

– Я начал в твоем возрасте, так что уверен: ты справишься.

Джона опасливо поднял осколок стекла и с самым серьезным видом стал рассматривать на свет.

– Я наверняка справлюсь, – кивнул он.

– Вы все еще ходите в церковь? – спросил Стив.

– Да. Но не в ту, куда мы ходили раньше, а в ту, которая нравится Брайану. Но Ронни не всегда ходит с нами. Запирается у себя и отказывается выходить. А как только остается одна, бежит к приятелям в «Старбакс». Ма так злится!

– Такое случается, когда дети становятся подростками. Постоянно испытывают родителей на прочность.

Джона положил стекло на стол.

– Я таким не стану. Всегда буду хорошим мальчиком. Но мне не слишком нравится новая церковь. Она скучная. Я бы тоже в нее не ходил.

– Вполне справедливо.

Стив помедлил.

– Я слышал, что этой осенью ты не будешь играть в футбол.

– Я не слишком-то хороший игрок.

– И что из того? Зато весело, верно?

– Нет, когда другие ребята над тобой издеваются.

– Они над тобой издеваются?

– Да ладно! Мне плевать.

– Вот как, – кивнул Стив.

Джона шаркнул ногой, очевидно, что-то обдумывая.

– Ронни не читала тех писем, что ты ей посылал. И к пианино больше не подходит.

– Знаю.

– Мама говорит, это потому, что у нее ПМС.

Стив едва не поперхнулся.

– Ты хотя бы знаешь, что это означает?

Джона подтолкнул очки указательным пальцем.

– Я уже не маленький. Это означает «плюет-на-мужчин-синдром».

Стив, смеясь, взъерошил волосы Джоны.

– Может, пойдем поищем твою сестру? По-моему, я видел, как она шла к цирку.

– А можно мне на колесо обозрения?

– Все, что захочешь.

– Потрясающе!

Ронни

На Фестивале морепродуктов в Райтсвилл-Бич яблоку негде упасть.

Заплатив за газировку, она огляделась и увидела море машин, припаркованных бампер к бамперу вдоль обеих дорог, ведущих на пирс, и заметила даже, что несколько предприимчивых подростков сдают напрокат свои места, те, что были поближе к месту действия.

Но пока что Ронни было ужасно скучно. Наверное, она надеялась, что колесо обозрения стоит здесь постоянно и на пирсе полно магазинчиков и лавчонок, как на набережной в Атлантик-Сити. Иными словами, она представляла, что именно в этом месте проведет лето. Как же, обрадовалась! Фестиваль проходил на парковке в начале пирса и до смешного напоминал небольшую сельскую ярмарку. Проржавевшие аттракционы принадлежали бродячему цирку, а на парковке в основном располагались игровые автоматы, выиграть в которые невозможно, и лотки с жирной едой. Все это место – настоящее убожество и глухая провинция.

Впрочем, ее мнение разделяли не многие. Парковка была буквально забита людьми. Старые, молодые, стайки школьников, целые семьи азартно толкались, пробираясь к аттракционам. Куда бы ни ступила девушка, приходилось бороться с наплывом тел – больших потных тел, и два из них зажали ее, едва не раздавив. Оба явно предпочитали жареные хот-доги и сникерсы, которые она только что видела на соседнем лотке.

Ронни поморщилась.

Ну полный отстой.

Заметив свободное место, она удрала от аттракционов и цирка и зашагала к пирсу. К счастью, толпа сильно поредела: очевидно, никого не интересовали магазинчики, предлагавшие домашние поделки. Ничего, что она могла бы купить! Кому, спрашивается, нужен слепленный из ракушек гном? Но очевидно, кто-то это все покупал, иначе магазинчики давно перестали бы существовать.

Задумавшись, она наткнулась на столик, за которым на складном стуле сидела пожилая женщина в мягкой спортивной куртке с логотипом местной организации защиты животных. Седые волосы, открытое жизнерадостное лицо типичной бабушки, которая целыми днями проводит дни за стряпней у плиты. На столике лежала пачка листовок и стояли кружка для пожертвований и большая картонная коробка. В коробке копошились четыре серых щенка, то и дело встававших на задние лапки, чтобы посмотреть по сторонам.

– Привет, малыш, – прошептала Ронни.

Женщина улыбнулась.

– Хочешь подержать его? Он смешной. Я назвала его Сайнфелдом[1].

Щенок пронзительно взвизгнул.

– Не бойся, маленький, – успокоила Ронни.

Он был такой симпатичный. Ужасно милый, хотя, по мнению Ронни, кличка не слишком ему подходила. Ей хотелось подержать его, но тогда она уже не сможет отдать щенка обратно. Ронни обожала животных, особенно брошенных. Вроде этих малышей.

– У них все будет хорошо? Вы не собираетесь их усыпить?

– Не волнуйся, все в порядке. Поэтому мы и поставили этот столик. Чтобы кто-то смог взять их себе. В прошлом году мы нашли хозяев для более чем тридцати животных, да и на этих уже есть заявки. Я просто жду, пока новые владельцы их разберут на обратном пути. Но если интересуешься, в приюте есть и другие.

– Я приехала в гости, – пояснила Ронни.

С пляжа донесся рев толпы. Она вытянула шею, пытаясь разглядеть, что происходит.

---

[1] Популярный американский комедийный сериал, много лет шедший по телевидению. – *Здесь и далее примеч. пер.*

– Что там? Концерт?

Женщина покачала головой.

– Пляжный волейбол. Что-то вроде турнира. Продолжается уже несколько часов. Ты тоже можешь посмотреть. Я эти вопли слушаю весь день, так что зрелище, должно быть, волнующее.

Ронни обдумала предложение. Почему нет? Хуже все равно не будет.

Она бросила пару долларов в кружку для пожертвований, прежде чем сбежать вниз, на пляж.

Солнце уже садилось, превращая поверхность океана в жидкое золото. На песке все еще лежали люди, расстелив полотенца у самой воды. Кто-то уже успел построить песочные замки, которые вот-вот будут смыты нарастающим приливом. Повсюду шныряли охотившиеся на крабов крачки.

Совсем немного времени ушло на то, чтобы добраться до места действия. Подходя к корту, она заметила, что почти все девушки не сводят глаз с двух игроков на правом краю. И неудивительно. Оба парня (ее ровесники? постарше?) принадлежали к тому типу, который ее подруга Кейла обычно именовала «усладой взора». Хотя ни один не был в ее вкусе, все же невозможно было не восхищаться идеальным сложением и грациозными движениями. Они словно скользили по песку. Особенно тот, что повыше, с темно-каштановыми волосами и плетеным браслетом на запястье. Кейла определенно положила бы на него глаз – она всегда западала на высоких парней, совсем как вон та блондинка в бикини на другом конце корта. Ронни сразу заметила и ее, и ее подругу. Обе стройные, хорошенькие, с ослепительно белыми зубами и, очевидно, привыкшие быть в центре внимания. Они держались в стороне от толпы и не проявляли чрезмерного энтузиазма. Возможно, чтобы не испортить прически. Обе походили на рекламных красоток, буквально кричащих о том, что восхищаться можно только на расстоянии, но близко не рекомендуется. Ронни не знала их, но они сразу ей не понравились.

Она снова стала смотреть игру. В этот момент красавчики заработали очередное очко. А потом еще одно. И еще. Она не знала, какой счет, но, очевидно, их команда выигрывала. И все же Ронни почему-то болела за проигрывавших. Не говоря о том, что она всегда сострадала лузерам, парочка победителей напоминала ей избалованных мажоров из частной школы, которых она иногда видела в клубах: мальчиков из Верхнего Ист-Сайда, считавших себя выше остальных просто потому, что их папаши были инвестиционными банкирами.

Ронни видела достаточно людей, принадлежавших к привилегированному классу, чтобы узнать их с первого взгляда, и была готова дать голову на отсечение, что эти двое были сынками богатеньких родителей. Ее подозрения подтвердились, когда, заработав очередное очко, партнер парня с каштановыми волосами подмигнул загорелой куколке Барби, подружке блондинки. В этом городе все красавцы, похоже, друг друга знали.

Почему это ее не удивляет?

Игра вдруг показалась не такой интересной, и во время следующей подачи она повернулась, чтобы уйти, но краем уха услышала, что кто-то кричит, когда вторая команда вернула подачу. Не успела она сделать два шага, как болельщики стали толкаться, едва не сбив ее с ног.

Девушка повернулась как раз вовремя, чтобы увидеть, как один из игроков на полной скорости мчится к ней, стараясь поймать улетевший мяч. У нее не было времени среагировать, прежде чем он врезался в нее, схватив за плечи, чтобы не дать упасть. Ее рука дернулась, и девушка почти зачарованно наблюдала, как с пластикового стаканчика с газировкой слетает крышка. Струя взметнулась вверх, прежде чем выплеснуться на ее лицо и майку.

И тут все мгновенно закончилось. Она увидела, как потрясенно смотрит на нее парень с темно-каштановыми волосами.

– Ты в порядке? – пропыхтел он.

Вода стекала с ее лба, впитываясь в майку. Кто-то в толпе засмеялся. И почему бы нет? Это действительно забавно.

– Я в порядке, – отрезала она.

– Уверена? – выдохнул парень. Он казался искренне взволнованным. – Я ведь врезался в тебя на полном ходу!

– От-пус-ти меня, – процедила она сквозь зубы.

Он как будто не осознавал, что все еще сжимает ее плечи, и сейчас мгновенно разжал пальцы, отступил и стал рассеянно вертеть браслет.

– Прости, пожалуйста. Я бежал за мячом и…

– Я поняла, – перебила она. – Но выжить мне все-таки удалось. Так что все о'кей. Пока!

Она отвернулась. Сейчас ей хотелось одного: убраться отсюда как можно дальше.

– Давай, Уилл! – позвал кто-то. – Игра не закончена!

Но, пробираясь сквозь толпу, она остро ощущала его внимательный взгляд.

Майка не была испорчена, но лучше от этого она себя не чувствовала. Ей нравилась эта майка с концерта группы «Фоллаут бой», на который она тайком ходила с Риком в прошлом году. Ма едва на стенку не полезла, и не только потому, что у Рика на шее вытатуирован паук, а пирсингов еще больше, чем у Кейлы. Главное, она допыталась, что дочь солгала насчет того, куда идет, не говоря о том, что вернулась домой Ронни только на следующий день, поскольку они вломились в дом брата Рика в Филадельфии и устроили там вечеринку. Ма запретила Ронни видеться и даже говорить с Риком, но запрет был нарушен на следующий же день.

Не то чтобы она любила Рика: откровенно говоря, он даже не очень ей нравился, – но она злилась на мать и чувствовала себя полностью правой. Когда она добралась до дома Рика, он уже обкурился и был пьян, как тогда, на концерте. Ронни поняла, что, если будет общаться с ним, он начнет на нее давить, уговаривая выпить или раздавить косячок, как вчера ночью. Она пробыла в его квартире всего несколько минут, прежде чем отправиться на весь день на Юнион-сквер, зная, что между ними все кончено.

Ронни отнюдь не была наивной, если речь шла о наркотиках. Кто-то из друзей курил марихуану, кто-то увлекался кокаином и экстази, а один даже принимал амфетамины. Все это легко можно было получить в любом клубе или на вечеринке. Она прекрасно знала, что каждый раз, когда ее друзья курили, пили или глотали «колеса», они начинали шататься, блевать или полностью теряли контроль над собой и могли натворить глупостей. Для девушек это обычно кончалось ночью, проведенной с полузнакомым парнем.

Ронни не хотела такого для себя. Особенно после того, что случилось с Кейлой прошлой зимой. Кто-то подлил ей в выпивку жидкого экстази, и хотя она крайне смутно припоминала все, что случилось дальше, все-таки была почти уверена, что оказалась в комнате с тремя парнями, которых встретила в ту ночь впервые. Проснувшись, она обнаружила, что одежда разбросана по комнате. Кейла никогда не распространялась на эту тему и предпочитала делать вид, будто ничего не случилось; мало того, жалела, что вообще поделилась с Ронни. И хотя рассказала не много, было нетрудно домыслить остальное.

…Добравшись до пирса, Ронни поставила полупустой стаканчик на землю и стала яростно промокать салфеткой майку. Вроде бы получилось, но салфетка мигом скаталась в крошечные, напоминавшие перхоть хлопья.

Супер!

Ну почему этот парень врезался именно в нее? Она пробыла там не более десяти минут! Кто мог подумать, что стоит отвернуться, как в нее полетит мяч? И что она будет держать стаканчик с водой в толпе, на волейбольном матче, который ей не слишком хотелось смотреть. Подобное случается раз в миллион лет! При таком везении ей, наверное, стоило бы купить лотерейный билетик!

И еще. Тот парень, который это сделал, кареглазый красавчик шатен, при ближайшем рассмотрении был не просто хорош собой, а красив. Особенно запомнился его мягкий сочув-

ственный взгляд. Он мог быть из компании мажоров, но когда на секунду их глаза встретились, у нее возникло крайне странное чувство. Ей показалось, что этот парень настоящий…

Ронни тряхнула головой, чтобы прийти в себя. Очевидно, солнце ударило ей в голову.

Довольная тем, что сделала все возможное, Ронни подхватила стаканчик с водой. Она уже решила выбросить его, но, развернувшись, натолкнулась на стоящую к ней вплотную девушку. На этот раз все происходило очень быстро: остаток воды оказался на ее майке.

Перед ней стояла девушка со стаканчиком смузи* в руке. Она была одета в черное, и немытые темные волосы непокорными локонами обрамляли лицо. У нее, как у Кейлы, было по дюжине сережек в каждом ухе. С мочек свисали миниатюрные черепа, а черные тени и густо подведенные глаза придавали ей хищный вид. Сочувственно покачав головой, девчонка-гот ткнула стаканчиком в расплывающееся пятно:

– Не хотела бы я оказаться на твоем месте.

– Ты так думаешь?

– По крайней мере теперь ты одинаково мокрая с двух сторон.

– О, поняла. Пытаешься шутить!

– Остроумие – большое достоинство, не находишь?

– Тогда тебе следовало сказать что-то вроде: «Тебе следовало обходиться поильниками».

Девчонка-гот рассмеялась на удивление звонким смехом.

– Ты нездешняя, верно?

– Я из Нью-Йорка. Приехала в гости к отцу.

– На уик-энд?

– Нет. На лето.

– Нет, точно не хотелось бы оказаться на твоем месте.

На этот раз была очередь Ронни рассмеяться.

– Я Ронни. Сокращенное от «Вероника».

– Зови меня Блейз.

– Блейз?

– Мое настоящее имя Галадриэль. Это из «Властелина колец». У моей ма свои тараканы в голове.

– Хорошо еще, что она не назвала тебя Голлум.

– Или Ронни.

Она кивком показала куда-то назад.

– Если хочешь что-нибудь посуше, вон там на лотке продаются майки с Немо.

– Немо?

– Да, Немо. Из фильма. Такая оранжево-белая рыбка. Попала в аквариум, и отец собирается ее найти.

– Не хочу я майку с Немо. Ясно? – отрезала Ронни.

– Немо – это круто.

– Может быть, если тебе шесть лет.

– Дело твое.

Еще не успев ответить, Ронни заметила трех парней, проталкивавшихся сквозь расступающуюся толпу. Они очень выделялись из пляжной публики своими рваными шортами и татуировками на голой груди, едва прикрытой тяжелыми кожаными куртками. Один – с пирсингом в брови и старым кассетным магнитофоном в руках. Второй – с выбеленным «ирокезом» и предплечьями, покрытыми татуировкой. У третьего – черные, как у Блейз, волосы, резко контрастирующие с молочно-белой кожей. Ронни инстинктивно повернулась к Блейз, но той уже не было. Вместо нее рядом крутился Джона.

– Что это ты пролила на майку? Вся мокрая и липкая.

Ронни поискала глазами Блейз, гадая, куда она подевалась.

– Проваливай, ладно?

– Не могу. Па тебя ищет. Наверное, хочет, чтобы ты вернулась домой.

– Где он?

– Пошел в туалет, но сейчас будет.

– Скажи, что ты меня не видел.

Джона призадумался.

– Пять баксов.

– Что?

– Пять баксов, и я забуду, что ты была здесь.

– Ты это серьезно?

– У тебя мало времени, – изрек Джона. – Теперь уже не пять, а десять!

Ронни взглянула по сторонам и заметила отца, обыскивавшего взглядом толпу. Девушка инстинктивно пригнулась, зная, что никак не сможет пробраться мимо незамеченной, и окинула яростным взглядом своего шантажиста-братца, который, возможно, тоже это понимал. Он умный парень, и она любит его и восхищается талантами шантажиста, но все же он ее младший брат. В идеале ему следовало быть на ее стороне. Но разве это так? Конечно, нет.

– Ненавижу тебя, – прошипела она.

– И я тебя тоже. Но все равно это будет стоить тебе десять баксов.

– Как насчет пяти?

– Ты упустила свой шанс. Но я свято храню тайны.

Отец все еще не успел их заметить, хотя подошел совсем близко.

– Прекрасно! – Она порылась в карманах, сунула ему смятую десятку, и Джона прикарманил деньги. Оглянувшись, она увидела, что отец движется в их направлении, и нырнула за лоток. К ее удивлению, Блейз тоже оказалась там и преспокойно курила.

– Проблемы с отцом? – ухмыльнулась она.

– Как мне выбраться отсюда?

– Дело твое, – пожала плечами Блейз. – Но он знает, какую майку ты носишь.

Час спустя девушки сидели на скамье в конце пирса. Ронни по-прежнему скучала, но уже не так сильно. Блейз оказалась прекрасной слушательницей с весьма оригинальным чувством юмора и, что важнее всего, любила Нью-Йорк не меньше Ронни, хотя никогда там не была.

И расспрашивала новую подругу о самом обыденном. Ей было интересно все: Таймс-сквер и Эмпайр-стейт-билдинг, статуя Свободы – словом, все туристические приманки, которых Ронни всячески старалась избегать, но все-таки постаралась порадовать новую подругу, прежде чем рассказать о настоящем Нью-Йорке: клубах в Челси, музыкальном театре в Бруклине, уличных торговцах в Чайнатауне, где можно было купить контрафактные записи или фальшивые сумочки от Прада, да и, собственно говоря, почти все, причем за сущие гроши.

Она говорила, и в ней все сильнее росло желание оказаться дома. Где угодно, только не здесь.

– Я бы тоже не хотела приезжать сюда, – согласилась Блейз. – Тут тоска зеленая.

– Сколько ты здесь живешь?

– Всю жизнь. Но я по крайней мере хоть одета классно.

Ронни купила дурацкую майку с Немо, зная, что выглядит глупо. На лотке были майки только самых больших размеров, и эта штука доходила Ронни практически до колен. Единственным преимуществом майки было то, что в ней можно незамеченной проскользнуть мимо отца. В этом Блейз оказалась права.

– Кто-то говорил, что Немо – это круто.

– Она лгала.

– Что мы тут делаем? Па, должно быть, давно ушел.

– А чем тебе тут плохо? – удивилась Блейз. – Хочешь обратно на фестиваль? И может даже, побывать в доме с привидениями?

– Нет. Но неужели здесь нечем заняться?

– Пока нет. Позже. А пока подождем.

– Чего именно?

Блейз, не отвечая, встала и повернулась лицом к потемневшей воде. Волосы развевал ветер.

– Знаешь, я видела тебя раньше.

– Когда?

– На волейболе. Я стояла вон там. – Она показала на другой конец пирса.

– И?..

– Ты казалась чужой в этой толпе.

– Ты тоже.

– Поэтому я стояла на пирсе.

Она подтянулась и уселась на перилах лицом к Ронни.

– Понимаю, тебе не хочется здесь быть, но почему ты так зла на отца?

Ронни вытерла ладони о шорты.

– Это длинная история.

– Он живет с женщиной?

– Не думаю, а что?

– Считай, тебе повезло.

– Ты это о чем?

– Мой па живет с подружкой. Кстати, после развода это уже третья, и она самая противная из всех! Всего на несколько лет старше меня и одевается как стрипушка. Насколько я знаю, она и была стрипушкой. Меня тошнит каждый раз, когда я к ним прихожу. Она, типа, не знает, как вести себя со мной. То пытается давать мне советы, этак по-матерински, то разыгрывает лучшую подругу. Ненавижу ее.

– Ты живешь с матерью?

– Да, но теперь у нее бойфренд, который почти все время торчит дома. Лузер паршивый! Носит идиотскую накладку, потому что облысел чуть не в двадцать лет. И вечно талдычит, что стоило бы поступать в колледж! Можно подумать, мне не наплевать на его дурацкие нотации! Все так перепуталось… одна тоска!

Прежде чем Ронни успела ответить, Блейз спрыгнула с перил.

– Пойдем. Думаю, сейчас начнется. Тебе нужно это увидеть.

Девушки пошли по пирсу, к толпе, где происходило нечто вроде уличного шоу. Ронни с удивлением поняла, что это выступали те приблатненные парни, которых она видела раньше. Двое выделывали па брейк-данса под музыку, несущуюся из магнитофона, а длинноволосый брюнет стоял в центре, жонглируя предметами, казавшимися похожими на горящие мячи для гольфа. Время от времени он прекращал жонглировать и просто катал мяч между пальцами или вверх и вниз по руке. Дважды он сжимал мяч в кулаке, почти гася огонь, но потом чуть раздвигал пальцы, и пламя снова вырывалось сквозь крохотное отверстие.

– Знаешь его? – спросила Ронни.

Блейз кивнула:

– Это Маркус.

– На его руках защитное покрытие?

– Нет.

– Ему больно?

– Нет, если правильно держать мяч. Здорово, правда?

Ронни была вынуждена согласиться. Маркус погасил два шара и снова зажег, поднеся к третьему. На земле вниз тульей лежал цилиндр волшебника. Ронни увидела, что в него бросают деньги.

– Где он берет огненные мячи?

– Сам делает. Могу показать как. Это не сложно. Нужны только хлопчатая майка, нитка и жидкость для зажигалок.

Маркус бросил мячи Ирокезу и зажег еще два. Они стали жонглировать вместе, как цирковые клоуны, все быстрее и быстрее, пока один мяч едва не упал.

Парень с пирсингом в брови поймал его, как вратарь, и стал перебрасывать с ноги на ногу. Погасив три мяча, остальные двое последовали его примеру и стали перебрасываться мячом, словно играли в футбол. Публика зааплодировала, деньги дождем посыпались в цилиндр, и, пока музыка достигла крещендо, все остальные мячи были пойманы и погашены одновременно, как раз в тот момент, когда мелодия смолкла.

Ронни честно призналась себе, что в жизни не видела ничего подобного.

Маркус подошел к Блейз и, схватив в объятия, стал долго, нежно целовать, что показалось Ронни крайне неприличным. Потом медленно открыл глаза и долго глядел прямо на нее, перед тем как оттолкнуть Блейз.

– Кто это? – спросил он, показывая на Ронни.

– Это Ронни. Она из Нью-Йорка. Мы только познакомились, – пояснила Блейз.

Ирокез и Пирсинг дружно уставились на Ронни, отчего той стало не по себе.

– Нью-Йорк, вот как? – хмыкнул Маркус, снова вынимая и зажигая мяч. Сейчас он держал мяч неподвижно, крепко зажав большим и указательным пальцами. Интересно, неужели ему ничуть не больно?

– Ты любишь огонь? – крикнул он и, не ожидая ответа, кинул ей огненный мяч. Ронни, слишком испуганная, чтобы поймать его, проворно отскочила. Мяч приземлился за ее спиной, и полисмен в ту же минуту затоптал пламя.

– Эй вы, трое! – завопил он, грозя пальцем. – Проваливайте! Немедленно! Я уже предупреждал, что не позволю устраивать шоу на пирсе, и, клянусь, в следующий раз я вас заберу!

Парни похватали куртки и направились к аттракционам. Блейз, забыв о Ронни, пошла за ними. Ронни почувствовала взгляд полисмена, но решила не обращать внимания и, немного поколебавшись, последовала за парнями.

Маркус

Он знал, что так и будет. Девчонки всегда таскались за ним, особенно приезжие. В этом весь секрет: чем хуже с ними обращаешься, тем больше они к тебе липнут.

Глупы как пробки. Предсказуемые идиотки.

Он прислонился к кадке с деревом, стоящей перед отелем. Блейз обняла его. Ронни сидела напротив, на скамье. Тедди и Ланс говорили неразборчиво, глотая слова, как всегда, когда пытались привлечь внимание проходивших мимо девушек. Они уже под мухой; впрочем, они были навеселе еще до начала шоу. Девушки, кроме самых уродливых, не обращали на них внимания. Впрочем, Маркус и сам нечасто обращал на них внимание.

Блейз тем временем покусывала его шею. Его тошнило от ее манеры лизаться на людях. И вообще от нее самой. Не будь она так хороша в постели, не знай штучек, которые в самом деле его заводили, отделался бы от нее еще месяц назад, благо у него было четыре-пять телок, с которыми он регулярно спал. Но сейчас он плевал и на них, потому что уставился на Ронни. Ему нравилась фиолетовая прядь в ее волосах, тугое стройное тело, блестящие тени для век. Несмотря на дурацкую майку, девчонка была классная! И ему это нравилось. Очень.

Он на миг прижался бедрами к бедрам Блейз, жалея, что она вообще тут торчит.

– Пойди принеси мне жареной картошки. Я голоден.

Блейз отстранилась.

– У меня осталась только пара баксов, – заискивающе проныла она.

– И что? На картошку хватит. Да, и постарайся ничего не слопать по дороге.

Он не шутил. Последнее время живот Блейз стал мягковат и немного обвис, а лицо казалось одутловатым. И неудивительно, учитывая, что последнее время она пьет почти как Тедди и Ланс.

Блейз притворно надулась, но Маркус подтолкнул ее, и она поплелась в сторону лотков с едой. Маркус тем временем подошел к Ронни и уселся рядом. Близко, но не слишком. Блейз ужасно ревнива, и он не хотел, чтобы она прогнала девушку, прежде чем у него появится шанс узнать ее поближе.

– И что ты думаешь?

– О чем?

– О шоу. Видела что-то подобное в Нью-Йорке?

– Не видела, – признала она.

– Где ты живешь?

– Недалеко от пляжа.

Судя по ответу, ей было неловко – возможно, из-за отсутствия Блейз.

– Блейз говорит, что ты сбежала от папаши.

Вместо ответа она пожала плечами.

– Как, ты не хочешь об этом говорить?

– Нечего тут говорить.

– А с Блейз откровенничаешь?

– Тебя я даже не знаю.

– Ты и Блейз не знаешь. Вы только что познакомились.

Похоже, резкая отповедь ей не понравилась.

– Я просто не хотела с ним разговаривать. И проводить здесь лето.

– Так уезжай! – посоветовал он, откинув волосы с глаз.

– Ага, только шнурки поглажу. И куда мне ехать?

– Давай вместе во Флориду?

– Ч-что? – изумилась она.

– Я знаю парня, у которого есть там пляжный домик, почти рядом с Тампой. Если хочешь, отвезу тебя туда. Можем оставаться столько, сколько захотим. Моя машина вон там.

Она потрясенно уставилась на него.

– Я не могу ехать с тобой во Флориду – мы… мы только познакомились. И как насчет Блейз?

– А что насчет Блейз?

– Ты с ней.

– И что? – хладнокровно осведомился он.

– Все это очень странно.

Ронни встала и покачала головой.

– Пожалуй, пойду посмотрю, как там Блейз.

Маркус полез в карман за огненным мячом.

– Ты знала, что я шучу, верно?

Собственно говоря, он не шутил. И сказал это по той же причине, что и бросил в нее огненным мячом: чтобы увидеть, как далеко сможет с ней зайти.

– Да… все о'кей. Нормально. Но я все равно пойду поговорю с Блейз.

Маркус проводил ее взглядом. Он восхищался ее потрясающим телом, но не совсем понимал, что она собой представляет. Одевалась она как все в его среде, но в отличие от Блейз не курила, не выказывала ни малейшего интереса к тусовкам, и он чувствовал, что она не совсем та, какой кажется. Может, богатые родители? Вполне вероятно. Квартира в Нью-Йорке, пляжный домик… Семейка должна иметь деньги на все это. Но с другой стороны, никаких шансов на то, что она войдет в круг здешних мажоров. По крайней мере тех, которых он знал. Так кто она? И почему это должно что-то для него значить?

Он терпеть не мог людей с деньгами и манеру размахивать ассигнациями. Однажды, перед тем как бросить школу, он слышал, как богатенький парень толковал о новой яхте, подарке на день рождения. Не какой-то дерьмовый скиф, а настоящая яхта водоизмещением двадцать один фут, с джи-пи-эс и сонаром, и парень безостановочно хвастался, как собирается использовать яхту все лето и ставить у загородных клубов.

Через три дня Маркус поджег яхту и, прячась за раскидистой магнолией, наблюдал, как она горит.

Он, разумеется, никому не сказал, что наделал. Проболтаться одному – все равно что исповедоваться копам. Тедди и Ланс вообще в расчет не идут. Запри их в камере на денек, и они расколются в ту же минуту, как откроется дверь. Поэтому в последнее время он настаивал, чтобы они делали всю грязную работу. Лучший способ заставить их молчать – вдолбить, что они еще более виноваты, чем он. Ведь это они крали спиртное, они избили в аэропорту парня до потери сознания, прежде чем украсть его бумажник, они нарисовали свастику на синагоге. Он не очень им доверял и, в общем, не особенно симпатизировал, но они вписывались в его планы. И помогали достичь цели.

Тедди и Ланс продолжали валять дурака. Впрочем, они всегда были идиотами. После ухода Ронни Маркусу не сиделось на месте. Нечего торчать тут и бездельничать!

После того как Блейз вернется и он съест картошку, вполне можно и погулять. Посмотреть, что подвернется. Никогда не знаешь, что может случиться в подобном городишке в такую ночь, в такой толпе. Одно ясно: после шоу ему всегда требуется нечто большее. Чего бы это ни стоило.

Оглянувшись на лоток с едой, он увидел, что Блейз платит за картошку, а Ронни стоит у нее за спиной. Он снова уставился на Ронни, мысленно приказывая посмотреть на него. И в конце концов это ему удалось. Ничего особенного, просто взгляд мельком, но этого было достаточно, чтобы он вновь задался вопросом, какова она в постели.

Возможно, тигрица. Как большинство из этих девиц, если умеешь их завести.

Уилл

Что бы Уилл ни делал, все время ощущал тяжесть давящей на него тайны. Вроде бы все шло как обычно: он ходил в школу, играл в баскетбол, сдавал выпускные экзамены, веселился, а осенью собирался в колледж. Конечно, не все было так уж идеально. Шесть недель назад он порвал с Эшли, но это не имело ничего общего с тем, что случилось в ту ночь, которую он никогда не забудет. Большую часть времени он ухитрялся не вспоминать, но иногда все с ужасающей силой к нему возвращалось. Картинки не менялись, не тускнели, изображения не расплывались. Иногда, словно наблюдая все глазами постороннего, он видел, как бежит по берегу и хватает Скотта, зачарованно уставившегося на огонь.

– Что ты наделал, черт возьми! – завопил он.

– Я не виноват! – крикнул в ответ Скотт.

Только тогда Уилл сообразил, что они не одни. Неподалеку стояли Маркус, Блейз, Тедди и Ланс, наблюдая за ними. Уилл сразу понял, что они все видели.

Видели и знают.

Уилл схватился за мобильник, но Скотт сжал его руку.

– Не звони в полицию! Говорю тебе, все вышло случайно! – взмолился он. – Брось, старина! Ты мне обязан!

Первые два дня в газете и по телевизору только об этом и кричали. Уилл с упавшим сердцем слушал новости и читал репортажи. Одно дело – случайный пожар. Но священник попал в больницу, и каждый раз, проезжая мимо сгоревшей церкви, Уилл испытывал тошнотворное чувство вины. И пусть церковь выстроили вновь и пастор давно поправился – это ничего не меняло: он обо всем знал и ничего не сделал.

– ТЫ МНЕ ОБЯЗАН…

Больше всего его преследовали именно эти слова.

Не просто потому, что они со Скоттом лучшие друзья еще с детского сада, но по другой, куда более важной причине. Иногда, среди ночи, он долго лежал без сна, отчасти признавая правоту Скотта и пытаясь придумать, как все исправить.

Как ни странно, на этот раз именно случай на сегодняшней игре вызвал поток воспоминаний. Вернее, та девушка, с которой он столкнулся. Ее не интересовали его извинения, и в отличие от большинства здешних девушек она не пыталась скрыть гнев. Не визжала и не пыталась с ним заигрывать. И выглядела сдержанной, спокойной, что поразило его как нечто необычное.

После того как она убежала, они закончили сет, и он должен был признать, что раза два пропустил подачи, чего обычно с ним не бывало. Скотт бросал на него злобные взгляды и, может, из-за игры света выглядел точно так же, как в ночь пожара, когда Уилл выхватил мобильник, чтобы позвонить в полицию. Этого оказалось достаточно, чтобы воспоминания вновь вырвались на волю.

Он сумел держать себя в руках, пока они не выиграли, но потом решил, что неплохо бы побыть одному. Поэтому отправился на фестиваль и остановился у одной из тех игровых кабинок, выиграть в которых было невозможно. И был готов бросить чересчур плоский волейбольный мяч в слишком высоко прикрепленную корзинку, когда сзади раздался голос:

– Вот ты где! – протянула Эшли. – Намеренно избегаешь нас?

«Да, – подумал он, – именно избегаю».

– Нет, – пробормотал он вслух. – Просто не играл с самого конца сезона и хотел проверить, насколько потерял форму.

Эшли улыбнулась. Ее белый топ и длинные серьги выгодно оттеняли голубые глаза и светлые волосы. Она переоделась после финальной игры турнира. Она была единственной из его знакомых девушек, кто регулярно носил с собой полный комплект сменной одежды, даже отправляясь на пляж. В прошлом мае на выпускном балу она переодевалась трижды: к ужину, к танцам и к последующей вечеринке. Подумать только, принесла с собой чемоданчик! Приколов корсаж к ее груди и сфотографировавшись, он был вынужден тащить чемодан в машину. Мать Эшли не находила ничего необычного в том, что она тащит с собой столько вещей, словно отправляется на каникулы, а не на школьный вечер. Но может, в этом и кроется часть проблемы. Эшли как-то позволила ему заглянуть в гардеробную матери: эта женщина имела не менее двухсот пар обуви и тысячи различных предметов одежды. В этой гардеробной поместился бы «бьюик»!

– О, я тебе не помешаю! Страшно подумать, что можешь потерять целый доллар!

Уилл отвернулся и ударом направил мяч к корзинке, он отскочил от ободка и щита, прежде чем упасть внутрь. Раз! Еще два раза повезет, и он выиграет!

Когда мяч покатился назад, местный служащий уставился на Эшли. Та, похоже, даже не заметила его присутствия.

Когда мяч покатился по сетке и вернулся к Уиллу, тот взглянул на служащего:

– Кто-нибудь выиграл сегодня?

– Конечно! Полно выигравших каждый день, – ответил он, продолжая смотреть на Эшли.

Ничего удивительного: все и всегда замечали Эшли. Она как вспыхивающая неоновая вывеска для всех, у кого в крови бурлит хоть капля тестостерона.

Эшли шагнула вперед, сделала пируэт и прислонилась к кабинке. И снова улыбнулась Уиллу. После того как ее объявили королевой вечера, она всю ночь носила тиару.

– Ты хорошо играл сегодня, – заметила она. – Подача стала намного лучше.

– Спасибо.

– По-моему, ты почти так же хорош, как Скотт.

– Невозможно, – покачал он головой. Скотт играл в волейбол с шести лет, а Уилл начал в старших классах. – У меня хорошая реакция и прыжок. Но не такая техника, как у Скотта.

– Я говорю только о том, что вижу.

Сосредоточившись на ободке корзины, Уилл выдохнул, стараясь расслабиться перед броском, как советовал тренер. Мяч просвистел сквозь корзинку. Два – два.

– Что будешь делать с плюшевой зверюшкой, если выиграешь?

– Не знаю. Хочешь, подарю?

– Только если хочешь подарить именно мне.

Он понимал, что, по ее мнению, должен сам предложить ей игрушку, поскольку просить – ниже ее достоинства. После двух лет, проведенных с Эшли, осталось очень мало того, что он о ней не знал.

Уилл схватил мяч, снова выдохнул и сделал последний бросок – к сожалению, слишком резкий. Мяч отскочил от заднего края ободка.

– Почти, но не совсем, – покачал головой служащий. – Вам нужно бы попробовать еще раз.

– Я проиграл и знаю это.

– Вот что я вам скажу. Сбрасываю доллар. Два доллара за три броска.

– Не стоит.

– Два доллара, и каждый из вас сделает по три броска.

Он схватил мяч и протянул Эшли.

– Я бы хотел, чтобы вы попробовали.

Эшли презрительно воззрилась на мяч, всем своим видом показывая, что подобная мысль ей в голову не могла прийти. И возможно, это было чистой правдой.

– Не стоит, – отказался Уилл. – Но спасибо за предложение. Эшли, не знаешь, Скотт еще не ушел?

– Он за столом, с Касси. Или по крайней мере был, когда я пошла тебя разыскивать. По-моему, она ему нравится.

Уилл направился туда. Эшли не отставала.

– Тут мы поговорили, – небрежно бросила она, – и Скотт с Касси решили, что неплохо бы поехать ко мне. Мои родители в Райли, на приеме у губернатора, и нам никто не помешает.

Уилл знал, чем это кончится.

– Я пас, – коротко ответил он.

– Почему нет? Можно подумать, здесь так уж интересно.

– Просто не считаю, что это хорошая мысль.

– Это потому что мы больше не вместе? Но я вовсе не стремлюсь тебя вернуть.

Но ведь именно поэтому она вернулась на турнир! И разоделась сегодня вечером. И отправилась его искать. И предложила ехать к ней домой, поскольку родители в отъезде.

Но вслух он ничего не сказал. Был не в настроении спорить и не хотел усложнять и без того непростые отношения. Она вовсе не плохой человек. Просто это не его женщина.

– Завтра с утра мне нужно быть на работе, и я провел целый день, играя на солнце в волейбол, – объяснил он. – Просто хочу лечь пораньше.

Но она схватила его за руку и остановила.

– Почему ты больше не отвечаешь на мои звонки?

Он промолчал. Да и что он мог сказать?

– Я хочу знать, что сделала не так, – допытывалась она.

– Ты все сделала так.

– Что же случилось?

Не дождавшись ответа, она умоляюще улыбнулась:

– Поедем и там поговорим обо всем, ладно?

Уилл понимал, что она по крайней мере заслуживает ответа. Беда в том, что ответ вряд ли ей понравится.

– Я уже ответил. Просто устал.

– Ты устал?! – прогремел Скотт. – Ты сказал ей, что устал и хочешь спать?!

– Что-то в этом роде.

– У тебя крыша поехала?

Сидевший напротив Скотт в упор смотрел на него. Касси и Эшли ушли на пирс поговорить: вне всякого сомнения, чтобы обсудить каждое слово, сказанное Уиллом Эшли, придав некий драматический оттенок ситуации, которой следовало бы оставаться закрытой для посторонних. Но там, где Эшли, всегда присутствует драма. У него вдруг появилось чувство, что лето будет чересчур длинным.

– Я действительно устал, – пожал он плечами. – А ты разве нет?

– Может, ты не слышал, что предлагала Эшли. У нее никого нет! Двое на двое в пляжном домике…

– Да, она упоминала об этом.

– И мы все еще здесь, потому что…

– Я уже сказал.

Скотт покачал головой:

– Но послушай: ничего не понимаю! Ты пользуешься предлогом «я устал», когда родители просят тебя помыть машину или встать пораньше, чтобы успеть в церковь. Не тогда же, когда появляется возможность вроде этой?

Уилл промолчал. Хотя Скотт был только на год младше (осенью он пойдет в выпускной класс), все же часто вел себя так, словно был старшим и куда более мудрым братом Уилла.

«Если не считать той ночи в церкви…»

– Видишь вон того парня у баскетбольной кабинки? Вот его я понимаю. Он стоит там весь день, пытаясь соблазнить людей на игру, чтобы заработать немного денег на пиво и сигареты и повеселиться в конце смены. Простая, скучная жизнь, не та, которую я хотел бы вести. Но повторюсь: я его понимаю. А вот тебя… Ты видел Эшли сегодня? Классная телка! Выглядит как та крошка в «Максиме».

– И?..

– По-моему, горячая штучка!

– Знаю. Мы были вместе пару лет, помнишь?

– Я и не говорю, что нужно все начинать сначала. Просто предлагаю поехать к ней, повеселиться и посмотреть, что из этого выйдет. И кстати, я так и не уразумел, почему ты вообще с ней порвал. Ее заклинило на тебе, и вы двое казались идеальной парой.

– Мы не были идеальной парой, – покачал головой Уилл.

– Ты уже говорил… И что это означает? Она что, истеричка или что-то происходит, когда вы остаетесь одни? Ты обнаружил ее стоящей над тобой с мясницким ножом? Или она воет на луну, когда ты идешь на пляж?

– Нет, ничего подобного. Не вышло, вот и все.

– «Не вышло, вот и все», – повторил Скотт. – Ты хоть сам себя слышишь?

Видя, что Уилл по-прежнему неприступен, Скотт перегнулся через стол.

– Ну же, дружище! Сделай это для меня! Повеселись немного! Сейчас каникулы! У нас команда!

– По-моему, ты совсем отчаялся.

– Именно так. Если ты не согласишься, Касси со мной не поедет. А мы говорим о девушке, которая почти готова залезть ко мне в постель…

– Прости, но ничем не могу помочь.

– Прекрасно! Порти мне жизнь! Кому оно надо, верно?

– Выживешь! – пообещал Уилл. – Кстати, ты голоден?

– Немного, – проворчал Скотт.

– Пойдем купим чизбургеров.

Уилл поднялся, но Скотт продолжал дуться:

– Тебе нужно больше тренироваться. Посылаешь мяч во всех направлениях. Не пойму, как мы ухитрились не проиграть.

– Эшли сказала, что я играл не хуже тебя.

Скотт фыркнул и, оттолкнувшись, встал.

– Она сама не знает, о чем говорит.

Постояв в очереди, Уилл и Скотт подошли к стойке с приправами, где Скотт залил свой бургер кетчупом. Кетчуп вылез по бокам, когда Скотт снова придавил котлету булочкой.

– Отвратительно, – прокомментировал Уилл.

– Начнем с того, что этот парень, Рэй Крок, основал компанию, которую назвал «Макдоналдс». Так или иначе, к первому гамбургеру, во многих отношениях первому американскому гамбургеру, по его настоянию добавили кетчуп. Одно это должно объяснить тебе, как это важно для общего вкуса.

– Продолжай. Все это так интересно! Я пойду раздобуду чего-нибудь попить.

– Мне бутылку воды, ладно?

Едва Уилл отошел, как что-то полетело в Скотта. Тот тоже успел это увидеть и инстинктивно отпрыгнул, уронив чизбургер.

– Какого черта ты вытворяешь? – завопил он, разворачиваясь. На земле лежала скомканная коробка с жареным картофелем. Чуть в стороне, засунув руки в карманы, стояли Тедди и Ланс. Между ними возвышался Маркус, безуспешно пытаясь принять невинный вид.

– Не пойму, о чем ты, – усмехнулся он.

– Об этом! – прорычал Скотт, пнув коробку обратно.

Позже Уилл решил, что именно его тон заставил всех насторожиться. Сам он ощутил, как встали дыбом волосы на затылке, когда в воздухе запахло насилием.

Насилием, которого, очевидно, добивался Маркус…

Уилл заметил, как какой-то отец подхватил сына и отошел. Эшли и Касси, возвращавшиеся с пирса, замерли на месте.

Галадриэль, как сама называла себя Блейз, наоборот, подвинулась ближе.

Скотт, стиснув челюсти, злобно смотрел на них.

– Знаешь, мне до тошноты осточертело твое дерьмо.

– И что ты мне сделаешь? – ехидно улыбнулся Маркус. – Швырнешь бутылочную ракету?

Больше ничего не потребовалось.

Скотт внезапно шагнул вперед. Уилл лихорадочно продирался сквозь толпу, пытаясь вовремя подбежать к другу.

Маркус не двигался. Плохо дело! Уилл знал, что эта троица способна на все… И что еще хуже, знала, что наделал Скотт…

Но Скотт так разозлился, что плевал на все!

Уилл рванулся вперед, но Тедди и Ланс уже успели взять Скотта в клещи. Уилл попытался перекрыть разделяющее их расстояние, но Скотт двигался слишком быстро, и, похоже, все происходило одновременно. Маркус немного отступил как раз в тот момент, когда Тедди пинком свалил табурет, вынудив Скотта отскочить. Тот врезался в стол, перевернув его. К счастью, сам не упал и выпрямился, сжав кулаки. Ланс снова подобрался к нему. Пока Уилл продолжал пробираться вперед, до него донесся детский рев. Вырвавшись наконец на волю, Уилл бросился к Лансу, но тут в самую гущу драки ворвалась девушка.

– Прекратить! – заорала она, выкинув руки вперед. – Разошлись немедленно!

Ее голос был на удивление громким и властным, достаточно властным, чтобы Уилл замер на месте. Все остальные оцепенели, и во внезапной тишине еще пронзительнее звучали крики малыша. Девушка развернулась, разъяренно глядя на драчунов, и, едва заметив фиолетовую прядь в ее волосах, Уилл понял, где видел ее раньше. Только сейчас на ней была мешковатая майка с рыбкой на груди.

– Брейк! Конец драке! И не сметь кулаками размахивать! Неужели не видите, что сбили ребенка?

Она решительно протиснулась между Скоттом и Маркусом и присела на корточки перед плачущим малышом, которого едва не растоптали в общей давке. Ему было три или четыре года: светлые вихры, ярко-оранжевая рубашечка…

– Все хорошо, солнышко? – улыбаясь, нежно спросила девушка. – Где твоя мама? Давай ее найдем?

Мальчик мгновенно уставился на ее майку.

– Это Немо, – пояснила она. – Он тоже потерялся. Тебе нравится Немо?

Сквозь толпу протолкнулась охваченная паникой женщина с младенцем на руках.

– Джейсон! – кричала она. – Ты где? Вы не видели маленького мальчика? Светлые волосы, оранжевая рубашка…

При виде сына она с облегчением улыбнулась и, поудобнее усадив младенца, подбежала ближе.

– Нельзя убегать от мамы! – воскликнула она. – Ты меня перепугал! С тобой все в порядке?

– Немо, – объявил он, показывая на девушку.

Мать обернулась, впервые заметив ее.

– Спасибо! Он удрал, пока я меняла ребенку памперс, и…

– Ничего страшного, – покачала головой девушка. – С ним ничего не случилось.

Уилл, посмотрев вслед матери, уводящей детей, тоже повернулся к девушке и заметил, с какой доброй улыбкой она наблюдает за удаляющимся малышом. Но как только они отошли достаточно далеко, девушка вдруг заметила, что все на нее глазеют, и смущенно скрестила руки на груди. Собравшиеся быстро расступились перед появившимся полисменом.

Маркус что-то пробормотал Скотту, прежде чем раствориться в толпе. Тедди и Ланс последовали его примеру. Блейз пошла за ними, но, к удивлению Уилла, девушка с фиолетовой прядью схватила ее за руку:

– Погоди! Куда ты?

Блейз вырвала руку.

– «Боуэрс-Поинт».

– Где это?

– Иди вдоль берега – и найдешь, – крикнула на бегу Блейз.

Девушка, казалось, не знала, что делать. К тому времени напряжение, такое ощутимое всего несколько минут назад, рассеялось так же быстро, как возникло. Скотт поднял стол и направился к Уиллу как раз в тот момент, как к девушке подошел какой-то мужчина – по-видимому, ее отец.

– Вот ты где! – воскликнул он со смесью облегчения и раздражения. – Мы тебя искали. Пойдем?

Девушка насупилась.

– Нет, – отрезала она и зашагала к толпе, идущей на пляж. К мужчине подбежал мальчишка.

– Полагаю, она не голодна, – заметил он. Мужчина положил руку на плечо мальчика, наблюдая, как девушка не оглядываясь спускается на пляж.

– Наверное, нет, – кивнул он.

– Нет, подумай только, – бесился Скотт. – Я едва не врезал этому подонку!

– Э… да, – отозвался Уилл, грубо оторванный от сцены, за которой так пристально наблюдал. – Но не уверен, что Тедди и Ланс тебе позволили бы.

– Попробовали бы! Наверняка бы струсили! Все это одни понты.

Уилл думал иначе. Но ничего не сказал.

Скотт перевел дух.

– Держись, сюда идет коп.

Полицейский медленно приближался, очевидно, пытаясь оценить ситуацию.

– Что здесь происходит? – рявкнул он.

– Ничего, офицер, – смиренно ответил Скотт.

– Я слышал, здесь была драка.

– Нет, сэр.

Полицейский, скептически усмехаясь, ждал, что будет дальше. Но парни молчали. К этому времени возле стойки со специями уже толпились другие люди, решившие поесть. Полицейский обозрел сцену, уверился, что ничего не пропустил, но при виде кого-то стоявшего за спиной Уилла лицо его озарилось улыбкой узнавания.

– Это ты, Стив? – окликнул он, спеша подойти к отцу девушки. Рядом с Уиллом появились Эшли и Касси. Лицо Касси раскраснелось.

– Ты в порядке? – спросила она Скотта.

– Абсолютном.

– Этот парень – псих! Что случилось? Я не видела, как это началось.

– Он швырнул в меня чем-то, а я такого не потерплю! Меня тошнит от этого типа! Вообразил, что все его боятся, что он может делать все, что в голову взбредет, но в следующий раз пусть только попробует – ему не поздоровится…

Остальное можно пропустить мимо ушей. Скотт ужасный трепач, но Уилл давно уже научился не слушать его. И сейчас отвернулся, снова увидев полицейского, болтавшего с отцом девушки. Ему вдруг стало интересно, почему та сбежала от папаши и почему тусуется с Маркусом. Она не такая, как эти подонки. Сомнительно, что она знает, в какое дерьмо вляпалась!

Пока Скотт распространялся на тему собственной храбрости, уверяя Касси, что легко справился бы со всеми тремя, Уилл вдруг сообразил, что старается подслушать разговор полицейского и отца девушки.

– Привет, Пит, как дела?

– Все та же дребедень, – вздохнул коп. – Стараюсь держать ситуацию под контролем. Как продвигается витраж?

– Медленно.

– То же самое ты отвечал, когда я в последний раз спрашивал.

– Да, но теперь у меня появилось тайное оружие. Это мой сын Джона. Этим летом он будет моим помощником.

– Правда? Вот здорово, маленький человечек! Стив, кажется, твоя дочь тоже должна была приехать?

– Она здесь.

– Да, но сразу сбежала, – добавил мальчик. – Здорово зла на па.

– Мне очень жаль, если так.

Уилл увидел, как отец показал на берег.

– Не знаешь, куда она могла уйти?

Коп, прищурившись, рассматривал полосу пляжа.

– Да куда угодно. Но здесь есть парочка паршивцев. Особенно Маркус. Поверь, ты бы не захотел, чтобы она водила с ним компанию.

Скотт все еще бахвалился. Касси и Эшли зачарованно его слушали, не обращая внимания на Уилла. Того так и подмывало окликнуть полицейского. Он знал, что сейчас не время что-то говорить. Он не знаком с девушкой и понятия не имеет, почему та убежала. Может, у нее на это была веская причина.

Но, увидев встревоженное лицо ее отца, он вспомнил, с каким терпением и добротой она обращалась с малышом, и слова вырвались прежде, чем он успел опомниться.

– Она пошла в «Боуэрс-Поинт»! – объявил он.

Скотт осекся на полуслове. Эшли, хмурясь, недоуменно уставилась на Уилла. Остальные трое нерешительно изучали его.

– Ваша дочь, верно?

Дождавшись, пока отец слегка кивнет, он повторил:

– Она собиралась в «Боуэрс-Поинт».

Коп, покачав головой, обратился к отцу:

– Когда я закончу здесь, поговорю с ней и, может, сумею убедить вернуться домой.

– Ты не обязан это делать, Пит.

Полицейский тяжело вздохнул.

– Думаю, в этой ситуации обязан.

Неожиданно волна облегчения накрыла Уилла с головой. Должно быть, по его лицу все было понятно, потому что, повернувшись к друзьям, он наткнулся на их внимательные взгляды.

– И какого черта все это значит? – взорвался Скотт.

Уилл не ответил. Вернее, не мог ответить, потому что сам ничего не понимал.

Ронни

В обычных обстоятельствах Ронни, возможно, была бы рада провести вечер подобным образом. В Нью-Йорке огни города мешали увидеть звезды, но здесь все было наоборот. Даже сквозь дымку приморского тумана она могла легко различить Млечный Путь, а прямо на юге горела Венера. Волны разбивались о пирс, а на горизонте виднелись далекие огни рыбацких лодок.

Только обстоятельства не были обычными. Стоя на крыльце, взбешенная девушка сверлила взглядом полицейского.

Нет, не просто взбешенная. Она сейчас взорвется! Происходило нечто совершенно невероятное. Можно подумать, она маленький ребенок!

Ее прямо трясло от злости! Первой мыслью было просто повернуться и направиться автостопом до автобусной станции, где купить билет до Нью-Йорка. Она ничего не скажет ни маме, ни отцу, а лучше позвонит Кейле. Как только она доберется до Нью-Йорка, там придумает, что делать дальше. Что бы она ни решила, хуже уже не будет.

Но теперь это невозможно. Только не в присутствии офицера Пита. Он стоял за ее спиной, не давая ускользнуть.

Поверить невозможно, что ее па, ее собственный отец, сделает нечто подобное! Она почти взрослая, ничего дурного не делает, и еще даже нет полуночи! В чем проблема? Почему ему понадобилось раздувать из мухи слона? О, конечно, сначала офицер Пит велел им освободить место на «Боуэрс-Поинт», чему остальные ничуть не удивились, но потом обратился именно к ней.

– Я отвезу тебя домой, – объявил он с таким видом, будто говорил с восьмилетней девочкой.

– Нет, спасибо, – бросила она.

– В таком случае мне придется арестовать тебя за бродяжничество и позвонить отцу, чтобы забрал тебя домой.

И тут до нее дошло: это отец попросил полицейских приехать сюда.

Девушка сгорала от стыда.

Да, у нее были проблемы с ма, и да, она нарушала «комендантский час», но никогда, ни разу мать не посылала за ней полицейских.

– Заходи, – поторопил коп, ясно давая понять, что если она не откроет дверь, он сделает это за нее.

Из дома доносилась тихая музыка. Ронни узнала сонату Эдварда Грига ми-минор. Глубоко вздохнув, она открыла дверь и тут же с силой захлопнула за собой.

Отец перестал играть и спокойно встретил ее разъяренный взгляд.

– Ты послал за мной копов?

Отец не ответил, но молчание было достаточно красноречивым.

– Зачем тебе это? Как ты мог решиться на такое?

Отец по-прежнему не проронил ни слова.

– Зачем? Не хотел, чтобы я немного развлеклась? Не сообразил, что я не хочу оставаться здесь?

Отец сложил руки на коленях.

– Я знаю, тебе не по душе приезд сюда…

Ронни шагнула вперед.

– Поэтому ты решил, что можешь разрушить и мою жизнь?

– Кто такой Маркус?

– Кому какое дело? – заорала она. – Это не важно! Тебе не удастся контролировать каждого, кто заговорит со мной. Так что даже не пытайся!

– Я и не пытался…

– Ненавижу это место! Неужели до тебя еще не дошло? И тебя ненавижу!

Она вызывающе уставилась на него, словно подначивая возразить. Надеясь, что, когда он попытается, она повторит все сначала.

Но отец опять ничего не сказал. Как обычно. Она терпеть не могла его сдержанность, считая ее слабостью. Окончательно взбесившись, она схватила собственную фотографию и швырнула в противоположный конец комнаты. Хотя па поморщился от резкого звона бьющегося стекла, все же остался спокойным.

– Что?! Нечего сказать?

Отец откашлялся.

– Твоя спальня – за первой дверью направо.

Не удостоив его ответом, она вылетела в коридор, полная решимости не иметь с ним ничего общего.

– Доброй ночи, солнышко! Я люблю тебя! – крикнул он вслед.

Был момент, всего один момент, когда у нее сжалось сердце от всего того, что она ему наговорила. Но сожаление исчезло так же быстро, как и появилось. Похоже, он даже не сообразил, что она на него злится. Она услышала, что он снова заиграл с того места, на котором остановился.

В спальне, которую оказалось нетрудно найти, учитывая, что в коридоре было еще только две двери: одна – в ванную, вторая – в комнату отца, – Ронни включила свет и, раздраженно вздохнув, стащила идиотскую майку с Немо, о которой почти забыла.

Это был худший день в ее жизни.

О, она знала, что слишком драматизирует ситуацию. Не настолько она глупа! Все же неприятностей было немало. И единственное светлое пятно – встреча с Блейз, давшая робкую надежду на то, что есть по крайней мере человек, с которым можно провести это лето.

При условии, конечно, что Блейз все еще хочет общаться с ней. После милой выходки папаши даже это поставлено под сомнение. Блейз и остальные, должно быть, все еще это обсуждают. И возможно, смеются. На их месте Кейла вспоминала бы о случившемся последующие сто лет.

А ей делалось нехорошо при одной мысли об этом.

Она швырнула майку с Немо в угол (хорошо бы никогда больше эту гадость не видеть!) и принялась раздеваться.

– Прежде чем ты зайдешь дальше, следует знать, что я тоже здесь.

Ронни от неожиданности подскочила и, развернувшись, увидела Джону.

– Вон отсюда! – завопила она. – Что ты здесь делаешь? Это моя комната!

– Нет, это наша комната, – поправил Джона. – Видишь, тут две кровати.

– Я не собираюсь делить с тобой спальню!

Джона вопросительно склонил голову набок:

– Собираешься ночевать в комнате па?

Она решилась было перебраться в гостиную, но поняла, что ни за что туда не пойдет. Потопала к своему чемодану и расстегнула «молнию». На самом верху лежала «Анна Каренина». Ронни откинула ее в сторону и стала искать пижаму.

– Я катался на колесе обозрения! – сообщил Джона. – Круто! Па увидел тебя сверху!

– Супер!

– Потрясно! Ты каталась на нем?

– Нет.

– А следовало бы. Я видел все до самого Нью-Йорка!

– Сомневаюсь.

– Точно! На мне же очки! Па сказал, что у меня орлиный взгляд!

– Ага, точно.

Джона, ничего не ответив, потянулся к привезенному из дома медведю и прижал к себе, как делал всегда, когда нервничал. Ронни немедленно пожалела о своих словах. Иногда он говорил и вел себя как взрослый, но сейчас, видя, как он обнимает медведя, она поняла, что не следовало быть такой резкой. Хотя он был красноречив и заносчив и временами ужасно ее раздражал, все же был мал для своего возраста и скорее походил на шести-семи-, чем на десятилетнего. Жизнь его не баловала. Он родился на три месяца раньше срока, следствием чего были астма, близорукость, недостаток координации и плохая моторика мелких движений. Она знала, как могут быть жестоки дети его возраста!

– Я не это хотела сказать. С такими очками, как у тебя, взор действительно получается орлиным!

– Да, они очень хорошие, – промямлил он, но когда отвернулся к стене, она поежилась. Он хороший парень. Конечно, иногда доводит ее. Но это он не со зла.

Она подошла и присела на его кровать.

– Эй, прости, я не хотела. Просто у меня настроение не то.

– Знаю, – кивнул он.

– А ты побывал на других аттракционах?

– Па водил меня почти на все. Его чуть не укачало! А меня нет! И я не боялся в доме в привидениями. Сразу увидел, что они ненастоящие!

Она похлопала его по спине:

– Ты всегда был храбрецом.

– Да! Помнишь, когда в квартире погас свет? Ты испугалась, а я нет!

– Помню.

Видимо, он удовлетворился ответом. Но вдруг снова притих, а когда заговорил снова, она едва расслышала:

– Ты скучаешь по ма?

Ронни получше укрыла его.

– Да.

– Я вроде как тоже. И мне не понравилось быть здесь одному.

– Па был в соседней комнате, – напомнила она.

– Знаю. Но все равно рад, что ты вернулась.

– Я тоже.

Он улыбнулся, но тут же вновь помрачнел.

– Как по-твоему, с ма все в порядке?

– Конечно, – заверила она. – Но я точно знаю, что и она по тебе скучает.

Утром Ронни разбудило солнце, заглядывающее в окна. Она не сразу поняла, где находится. Посмотрела на часы и не поверила глазам.

Восемь утра?

Она плюхнулась обратно в постель и уставилась в потолок, прекрасно понимая, что о сне не может быть речи. При таком ярком солнце? Да и отец уже барабанит на пианино в гостиной.

Тут она вспомнила прошлый вечер, и гнев на отца разгорелся с новой силой.

Добро пожаловать в очередной день в раю!

За окном слышался отдаленный рев моторов. Ронни встала, раздвинула занавески и тут же испуганно отскочила при виде енота, сидевшего на рваном мешке с мусором. Енот уже успел разбросать мусор по всему двору, но выглядел таким симпатичным, что она постучала пальцами по стеклу, стараясь привлечь его внимание. И только сейчас заметила на окне решетки.

Решетки на окне. Как в тюрьме.

Стиснув зубы, она развернулась и промаршировала в гостиную. Джона смотрел мультики и ел хлопья из миски. Отец мельком взглянул на нее и продолжил играть.

Она подбоченилась, ожидая, пока он остановится. Он не остановился. Она заметила, что фотография, хоть и лишилась стекла, по-прежнему стоит на пианино.

– Ты не можешь держать меня взаперти все лето! Не будет этого! – выпалила она.

Отец, продолжая играть, поднял глаза:

– О чем ты?

– Ты поставил решетки на окно. Я что, заключенная?

– Говорил я, что у нее крыша едет, – прокомментировал Джона, не отводя взгляда от телевизора.

Стив покачал головой. Пальцы по-прежнему бегали по клавишам.

– Я ничего не ставил. Они уже были в доме.

– Не верю!

– Были. Чтобы произведения искусства не украли, – подтвердил Джона.

– Я не с тобой говорю! – огрызнулась она. – Давай начистоту: этим летом ты не посмеешь обращаться со мной как с ребенком! Мне уже восемнадцать.

– Восемнадцать тебе исполнится только двадцатого августа, – напомнил Джона.

– Не будешь ли так любезен не лезть в чужие дела? Это касается только меня и отца.

– Но тебе еще нет восемнадцати, – нахмурился Джона.

– Суть не в этом.

– Я думал, ты забыла.

– Не забыла! Не настолько я глупа.

– Но ты сказала…

– Может, заткнешься хоть на секунду? – прошипела она, не сумев скрыть раздражение.

Отец продолжал сосредоточенно играть.

– То, что ты сделал вчера… – начала она и осеклась, не умея облечь в слова все, что происходило, все, что уже произошло. – Я достаточно взрослая, чтобы самостоятельно принимать решения. Неужели сам не понимаешь? После того как ты нас бросил, у тебя больше нет прав приказывать мне, что делать. И не можешь ли ты меня послушать?

Отец немедленно опустил руки.

– Мне не нравится твоя дурацкая игра.

– Какая игра? – удивился он.

– Вот эта, на пианино! Непрерывная! Плевать мне на твои усилия заставить меня тоже сесть за пианино! Я больше никогда не буду играть! Особенно для тебя!

– Договорились.

Она ждала, что он что-то добавит, но отец молчал.

– И это все?! – вскинулась она. – Все, что ты можешь сказать?

Отец, казалось, не находил подходящего ответа.

– Хочешь есть? Я поджарил бекон.

– Бекон?! Ты поджарил бекон?

– Ой-ой, – пробормотал Джона.

Отец вопросительно взглянул на него.

– Она вегетарианка, па, – объяснил он.

– Правда? – хмыкнул отец.

– Уже три года, – ответил за нее Джона. – Но она иногда бывает не в себе, так что тут нет ничего удивительного.

Ронни потрясенно воззрилась на него, гадая, почему беседа приняла какой-то странный оборот. Речь шла не о беконе, а о том, что случилось вчера вечером.

– Давай сразу договоримся, – отчеканила она. – Если ты когда-нибудь еще пошлешь копа, чтобы привести меня домой, я не просто откажусь играть на пианино. Я не просто уеду домой. Я больше в жизни не буду с тобой разговаривать. А если не веришь, попробуй проверить! Я уже прожила три года, ни единого слова тебе не сказав, и мне это далось легче легкого!

С этими словами она потопала обратно в спальню. Приняла душ, оделась и ушла из дома.

И первое, о чем подумала, шагая по песку, что зря не надела шорты. Было уже жарко, и воздух был горячим и влажным. По всему пляжу на разостланных полотенцах лежали люди; дети играли в волнах прибоя. Она заметила с полдюжины виндсерферов со своими досками, ожидавших подходящей волны.

Бродячий цирк уже уехал, аттракционы разобрали и лотки увезли. Остались только кучи мусора и остатков еды.

Вскоре Ронни добралась до небольшого делового центра. Магазины еще не открылись, но большинство были из тех, куда она ногой не ступала: туристические пляжные лавчонки, пара магазинов одежды, специализирующихся на продаже блузок и юбок, которые могла бы носить ее мать. «Бургер-кинг» и «Макдоналдс», два места, куда она из принципа отказывалась заходить. Отель и несколько модных ресторанчиков – вот почти и все. Ее заинтересовали только магазин для серферов, музыкальный и старомодная закусочная, где было бы приятно посидеть с друзьями… будь у нее друзья.

Ронни вернулась обратно на пляж и, огибая дюну, отметила, что народу прибавилось. День выдался прекрасный: солнечный, ветреный, небо было безоблачным и синим. Будь рядом Кейла, Ронни, возможно, решила бы провести весь день на солнышке, но Кейлы здесь не было, а она вовсе не собиралась надевать купальник и сидеть в одиночестве. Но что еще остается делать?

Что, если попытаться найти работу? Под этим предлогом можно целыми днями не появляться в городе. Она не видела в витринах объявлений «Требуется», но кому-то нужны люди, верно?

– Ты вчера добралась до дома? Или коп начал к тебе приставать?

Оглянувшись, Ронни увидела Блейз, сидевшую на дюне. Подумать только, Ронни так задумалась, что даже ее не заметила.

– Никто ко мне не приставал.

– О, значит, это ты к нему приставала?

– Ты закончила? – сухо спросила Ронни.

Блейз пожала плечами, лукаво подмигнула, и Ронни невольно улыбнулась.

– Так что случилось после моего ухода? Что-нибудь волнующее?

– Нет. Парни ушли, не знаю куда. Оставили меня одну.

– Ты не пошла домой?

– Нет.

Она встала и стряхнула песок с джинсов.

– Деньги есть?

– А что?

Блейз выпрямилась.

– Я ничего не ела со вчерашнего утра. Я дико голодна.

Уилл

Уилл стоял в яме под «фордом-эксплорером», следя за маслопроводом и одновременно стараясь отвязаться от Скотта: легче сказать, чем сделать. Скотт постоянно приставал к нему насчет вчерашнего вечера, с тех пор как они утром приехали на работу.

– Ты все не так понимаешь, – продолжал Скотт, пытаясь зайти с другой стороны. Он уже успел снять с полки три банки с маслом. – Есть разница между «перепихнуться» и «вновь сойтись».

– Мы с этим еще не покончили?

– Покончили бы, будь у тебя хоть капля здравого смысла. Но, судя по всему, очевидно, ты сбит с толку. Эшли не хочет возвращаться к тебе.

– Ничего подобного, – отмахнулся Уилл, вытирая руки бумажным полотенцем. – Она хотела именно этого.

– А Касси говорит иначе.

Уилл отложил полотенце и потянулся к бутылке с водой. Мастерская его отца специализировалась на ремонте тормозов, и па всегда хотел, чтобы она выглядела так, словно пол только что натерт и двери пять минут назад распахнулись для клиентов. К сожалению, кондиционер был для него далеко не так важен, и летом средняя температура чем-то напоминала пустыню Мохаве и Сахару.

Он долго пил, не торопясь осушить бутылку, в нелепой надежде, что Скотт заткнется. Более упертого человека, чем он, нет на свете. Этот парень способен кого хочешь свести с ума!

– Ты не знаешь Эшли, как знаю ее я, – вздохнул Уилл. – И кроме того, все кончено. Не знаю, почему ты постоянно об этом талдычишь.

– Но я твой друг, и ты мне небезразличен. Я хочу, чтобы ты наслаждался этим летом. И сам хочу наслаждаться. Хочу наконец заполучить Касси.

– Ну и кто тебе мешает?

– Все не так-то просто. Видишь ли, прошлой ночью я тоже так посчитал. Но Эшли ужасно расстроилась, и Касси не захотела ее оставить.

– Мне очень жаль, что ничего не вышло.

– Да, сразу видно, что жаль, – с сомнением пробормотал Скотт.

К этому времени масло успело стечь. Уилл схватил банки и стал взбираться по лестнице, пока Скотт оставался внизу, чтобы вставить сливную пробку и слить использованное масло в канистру для переработки.

Уилл открыл банку и, вставив воронку, глянул вниз, на Скотта.

– Эй, кстати, ты видел девушку, которая остановила драку? – спросил он. – Ту, что помогла малышу найти мать?

Скотт не сразу понял, о чем он.

– Ту крошку с вампирским макияжем и в майке с дурацкой рыбкой?

– Она не вампир.

– Да. Видел. Коротышка с уродливой фиолетовой прядью в волосах и черным лаком для ногтей? Ты еще вылил на нее газировку. Она посчитала, что от тебя несет потом.

– Что?!

– Я только говорю, что ты не заметил выражения ее лица, после того как с ней столкнулся. Зато я видел. Она отскочила как ошпаренная. Отсюда вывод, что от тебя, возможно, несло потом.

– Ей пришлось купить новую майку.

– И что?

Уилл опрокинул над воронкой вторую банку.

– Не знаю. Она просто меня удивила. И раньше я ее здесь не видел.

– Я повторяю: что из этого?

Дело в том, что Уилл сам не знал точно, почему думает о девушке. Особенно учитывая, как мало о ней знал. Да, она хорошенькая, он заметил это сразу, даже несмотря на фиолетовые волосы и темный макияж, но на этом пляже полно хорошеньких девушек. И дело не в решимости, с которой она остановила драку. Нет, он постоянно вспоминал, как нежно она утешала упавшего малыша. Он заметил эту нежность под напускной резкостью и теперь сгорал от любопытства.

Она совсем не похожа на Эшли. И не потому, что Эшли плохой человек, это не так. Но в Эшли чувствовалась некоторая ограниченность, даже если Скотт предпочитает в это не верить. В мире Эшли все разложено по аккуратным маленьким коробочкам: популярный или нет, дорогой или дешевый, богатый или бедный, красивый или уродливый. И он наконец устал от этих поверхностных суждений и неспособности видеть другие оттенки, кроме черного и белого.

Но девушка с фиолетовой прядью в волосах…

Он сразу понял, что она не такая. Конечно, нельзя быть абсолютно уверенным, но он побился бы об заклад, что это так. Она не расклеивает ярлыки на аккуратных коробочках, потому что и свое «я» не помещает ни в одну, и это поразило его как нечто свежее и новое, особенно по сравнению с девушками, которых он знал в школе. Не говоря об Эшли.

Хотя в гараже было полно работы, мысли возвращались к девушке чаще, чем ему хотелось бы.

Не все время. Не постоянно. Но достаточно, чтобы он понял: по какой-то причине ему хочется узнать ее получше. Недаром он гадал, когда снова ее увидит.

Ронни

Блейз направилась к закусочной, которую Ронни видела, проходя через деловой центр, и нужно признать, в этой забегаловке было некоторое очарование для тех, кто тосковал по пятидесятым годам прошлого столетия. Перед старомодной стойкой стояли табуреты, пол был вымощен черно-белыми плитами. Вдоль стен стояли кабинки, обтянутые потрескавшимся красным винилом. Меню было написано мелом на доске, и насколько могла судить Ронни, за последние тридцать лет менялись только цены.

Блейз заказала чизбургер, шоколадно-молочный коктейль и жареный картофель. Ронни не смогла решить, что выбрать, и ограничилась диетической колой. Она была голодна, но не знала, на каком масле здесь жарят. Впрочем, вряд ли это было известно кому-то из обедающих. Быть вегетарианкой не так просто, и иногда ей очень хотелось отказаться от своих принципов. Особенно когда в животе урчало. Как сейчас.

Но она не станет здесь есть. Не сможет. Не потому что одержима идеями вегетарианства – просто не хотела, чтобы ее тошнило от мяса. Плевать ей на то, что едят другие: просто каждый раз, когда она думала, откуда берется мясо, представляла корову на лугу или поросенка Бейба, и ее сразу начинало подташнивать.

Однако Блейз была вполне довольна. Сделав заказ, она откинулась на стенку кабинки.

– Как тебе здесь? – спросила она.

– Чисто. Немного необычно.

– Я прихожу сюда с детства. Па приводил меня сюда каждое воскресенье, после церкви, и покупал шоколадный коктейль. Они здесь лучшие. Мороженое привозят из какого-то крохотного местечка в Джорджии, но оно изумительное. Тебе следует попробовать.

– Я не голодна.

– Врешь! – воскликнула Блейз. – Я слышу, как урчит у тебя в желудке, но как хочешь. Тебе же хуже. Спасибо за то, что накормила.

– Не за что.

Блейз улыбнулась.

– Так что случилось вчера ночью? Ты знаменитость или что-то вроде?

– Что за вопрос?

– Коп пришел именно за тобой.

Ронни поморщилась.

– Скорее всего это отец сказал ему, где меня найти. Только и всего.

– Да уж, тебе не позавидуешь.

Когда Ронни рассмеялась, Блейз потянулась к шейкеру с коктейлем. Допив до конца, она высыпала на стол соль и стала делать горку.

– Что ты думаешь о Маркусе? – спросила она.

– Я почти с ним не разговаривала, а что?

Блейз, казалось, очень осторожно выбирала слова.

– Я никогда Маркусу не нравилась… раньше. Не могу сказать, что и он мне очень нравился. Он всегда был каким-то… подлым, что ли… Но потом, года два назад, все изменилось. И когда я действительно в ком-то нуждалась, он всегда оказывался рядом.

Ронни сосредоточенно наблюдала, как растет горка.

– И?..

– Я просто хотела, чтобы ты знала.

– Прекрасно. Да ладно. Мне все равно.

– И тебя туда же.

– О чем ты?

Блейз соскребла с указательного пальца черный лак.

– Когда-то я занималась гимнастикой, и четыре-пять лет она оставалась главной в моей жизни. Но я ушла из секции из-за тренера. Настоящая тварь: всегда тыкал в ошибки и никогда не хвалил за успехи. Как-то раз я тренировалась в низком соскоке с бревна. Он подскочил ко мне и заорал, что я не так ставлю ноги и что нужно застыть на месте, – словом, все то, что я уже сто раз слышала. Мне это чертовски надоело! Ну я ответила «да ладно», и он стиснул мне руку так сильно, что синяки остались. Стал вопить, что в моем возрасте нужно быть повежливее, и если я говорю так, все равно что посылаю кого-то подальше. Поэтому, когда мне говорят «как бы там ни было», я всегда отвечаю «и тебя туда же».

Появилась официантка с заказом. После ее ухода Ронни потянулась к стакану с кока-колой.

– Спасибо за интересную историю.

– Да ладно!

Ронни снова рассмеялась. Ей импонировало чувство юмора Блейз.

– Расскажи о самом плохом, что ты сделала в жизни, – попросила Блейз, подавшись вперед.

– Что?!

– Я серьезно. Всегда задаю людям этот вопрос. Мне вправду интересно.

– Ладно, – согласилась Ронни, – только сначала ты расскажи о самом плохом, что сделала в жизни.

– Легко. Когда я была маленькой, у нас была соседка, миссис Бандерсон. Ее нельзя было назвать добрейшей душой, но к ведьмам ее не отнесешь. И не то чтобы она закрывала двери перед ребятами на Хэллоуин или что-то в этом роде, но была помешана на своем саде и газоне. Если мы проходили по газону по пути к школьному автобусу или обратно, она вылетала из дома и орала так, что уши закладывало. В общем, как-то весной посадила она цветочки в саду. Сотни цветочков. Классно вышло. А напротив жил парень по имени Билли, и он очень не любил миссис Бандерсон, потому что когда однажды его бейсбольный мяч залетел в ее сад, она его не отдала. Однажды мы рылись в садовом сарае и нашли большую бутылку спрея «Раундап». Средство от сорняков. В общем, мы с ним как-то ночью прокрались в ее сад и полили все цветочки. Не спрашивай, зачем я это сделала. Полагаю, в то время нам это казалось ужасно смешным. Подумаешь! Пусть посадит новые, верно?

Поначалу никто ничего не заметил. Прошло несколько дней, прежде чем средство начало действовать. Миссис Бандерсон каждый день поливала и пропалывала цветы, прежде чем заметила, что они начали вянуть. Мы с Билли потихоньку смеялись, потом я увидела, что она выходит в сад перед школьными занятиями, пытаясь сообразить, что творится с цветами. И даже когда я возвращалась из школы, она по-прежнему торчала в саду. К концу недели все цветы были мертвы.

– Какой ужас! – вскричала Ронни, давясь рвотным спазмом.

– Знаю. И мне все еще стыдно из-за этого. Одна из тех вещей, с которыми я ничего не могу поделать.

– Ты ей так и не сказала? Не предложила самой посадить цветы?

– Родители убили бы меня. Но больше я никогда не ходила по ее газону.

– Вау!

– Я же сказала: ничего худшего в жизни не делала. Теперь твоя очередь.

Ронни немного подумала.

– Я три года не разговаривала с отцом.

– Это мне уже известно. И не так уж все плохо. Я же сказала, что тоже стараюсь не разговаривать с отцом. А ма представления не имеет, где я пропадаю целыми днями.

Ронни отвела глаза.

Над музыкальным ящиком висел плакат с Биллом Хейли с его «Кометами».

– Я воровала в магазинах, – едва слышно призналась она. – Часто. Ничего дорогого. Просто ради адреналина.

– Воровала?

– Но больше ни за что! Меня поймали дважды, во второй раз – по ошибке. Дошло до суда. Но приговор отложили на год. Если я больше не попаду в неприятности, обвинение будет снято.

Блейз опустила поднесенный ко рту бургер.

– И это все? Ничего хуже ты не наделала?

– Я никогда не убивала чьи-то цветы, если ты об этом. Ничего чужого не рушила и не рвала.

– Никогда не совала голову брата в унитаз? Не била машину? Не брила чужих котов?

– Нет, – улыбнулась Ронни.

– Ты, вероятно, самый занудный тинейджер в мире.

Ронни снова хихикнула, прежде чем глотнуть колы.

– Можно тебя спросить?

– Валяй!

– Почему ты не пошла домой вчера ночью?

Блейз взяла со стола щепотку соли и посолила картофель.

– Не хотела.

– А твоя ма? Она разозлилась?

– Возможно, – пожала плечами Блейз.

Дверь закусочной распахнулась, и Ронни, обернувшись, увидела, что к их кабинке шагают Маркус, Тедди и Ланс. На Маркусе была майка, украшенная изображениями черепа и цепочкой, зацепленной за петлю для ремня на джинсах.

Блейз подвинулась, но, как ни странно, с ней сел Тедди, а Маркус втиснулся рядом с Ронни. Ланс взял стул в соседней кабинке и сел задом наперед. Маркус потянулся к тарелке Блейз. Тедди и Ланс мигом расхватали жареную картошку.

– Эй, это для Блейз, – крикнула Ронни, пытаясь спасти остатки. – Купите себе и ешьте!

Маркус оглядел девушек.

– И?..

– Все в порядке, – заверила Блейз, подвигая к нему тарелку. – Я все равно столько не съем.

Маркус потянулся к кетчупу с таким видом, словно был кругом прав.

– О чем вы тут говорили? Судя по тому, что я видел в окно, разговор был напряженным.

– Ни о чем, – буркнула Блейз.

– Я сам догадаюсь. Она рассказывала тебе, Ронни, о сексуальном дружке ее матушки и их поздних постельных упражнениях, верно?

– Не хами, – прошипела Блейз.

Маркус в упор уставился на Ронни.

– Она рассказывала тебе о той ночи, когда один из приятелей ее мамаши прокрался в ее комнату? Знаешь, что сказала наша Блейз? «У тебя пятнадцать минут, чтобы убраться отсюда!»

– Заткнись, понял! Это не смешно. И мы говорили не о нем.

– Да ладно! – ухмыльнулся он, принимаясь за чизбургер.

Блейз потянулась к солонке. Тедди и Ланс дожевывали картошку. Вскоре на тарелке почти ничего не осталось. К досаде Ронни, Блейз ничего не сказала, и Ронни молча гадала о причинах такой уступчивости.

А, собственно говоря, чему удивляться? Блейз не хотела, чтобы Маркус на нее разозлился, вот и позволяла ему вытворять что в голову взбредет. Она уже видела нечто подобное раньше: Кейла, несмотря на то что считалась твердым орешком, вела себя точно так же, когда речь заходила о парнях. А те обычно только что ноги об нее не вытирали.

Блейз молча вертела в руках стакан от коктейля.

– И чем предлагаете заняться, парни?

– Мы – пас, – пробурчал Тедди. – Старик велел нам с Лансом работать сегодня.

– Они братья, – пояснила Блейз.

Ронни недоуменно уставилась на парней, не находя ни малейшего сходства.

– Это правда?

Маркус прикончил бургер и отодвинул тарелку в центр стола.

– Знаю, трудно поверить, что у родителей могут родиться такие уроды, верно? Так или иначе, их семейка владеет дерьмовым мотелем как раз за мостом. Канализации на днях исполнилось сто лет, и обязанность Тедди – прочищать засорившиеся сортиры.

Ронни сморщила нос, пытаясь представить эту картину.

– Правда?

Маркус кивнул.

– Грубовато, верно? Но не волнуйся насчет Тедди. Он просто мастер своего дела. И оно ему нравится. А Лансу приходится менять белье, после того как ночные визитеры на нем побарахтались.

– Фу, – поморщилась Ронни.

– Знаю, это отвратительно, – кивнула Блейз. – Не представляешь, какие мерзкие типы ночуют в мотелях! Можно заразиться, всего лишь войдя в комнату!

Ронни не совсем понимала, как на это реагировать.

– А ты что делаешь? – спросила она Маркуса.

– Что хочу.

– А точнее?

– Какое тебе дело?

– Никакого, – спокойно ответила она. – Просто спросила.

– Он вечно торчит с нами в мотеле, – поспешил сообщить Тедди. – Только в своей комнате.

– У тебя комната в мотеле?

– Я там живу, – коротко ответил он.

Ее так и подмывало спросить почему, но она ждала, что он скажет больше. Маркус, однако, молчал – видимо, хотел, чтобы она дала волю любопытству. Может, это игра воображения, но ей показалось, что он хочет ее заинтересовать. А может быть, и понравиться. Хотя Блейз сидит тут же.

Ее подозрения подтвердились, когда он потянулся за сигаретой. Выпустив кольцо дыма в сторону Блейз, он повернулся к Ронни:

– Что ты делаешь сегодня вечером?

Ронни отчего-то стало не по себе, но, похоже, все, включая Блейз, ждали ее ответа.

– А что?

– У нас небольшая вечеринка в «Боуэрс-Поинт». Соберемся не только мы. Там будет куча народу. Я хочу, чтобы ты пришла. Но на этот раз без копов.

Блейз внимательно изучала столешницу, водя пальцем по рассыпанной соли. Не дождавшись ответа, Маркус встал и направился к выходу. Он ни разу не обернулся.

Стив

– Эй, па! – позвал Джона. Он стоял в нише за пианино, глядя, как Стив несет к столу тарелки со спагетти. – На снимке ты с бабушкой и дедушкой?

– Да. Это мои па и ма.

– Я не помню этого фото. В квартире его не было.

– Оно долгое время висело в школе, в моем кабинете.

Джона кивнул и подвинулся ближе к снимку, внимательно его изучая.

– Ты, кажется, похож на деда.

Стив не знал, что ответить.

– Может быть… немного.

– Ты по нему скучаешь?

– Он был моим па. Как ты думаешь?

– Я бы по тебе скучал.

Джона направился к столу. Стив неожиданно подумал, что день был неплох, хоть и прошел без особых событий. Утро они провели в мастерской, где Стив учил Джону резать стекло; они пообедали на крыльце сандвичами, а во второй половине дня собирали раковины. Стив пообещал, что, как только стемнеет, они с Джоной прогуляются с фонарями по берегу и посмотрят на сотни морских паучков, вылезающих по ночам из своих песчаных норок и шныряющих по песку.

Джона плюхнулся на стул, глотнул молока, от чего его физиономия украсилась белыми усами.

– Как по-твоему, Ронни скоро придет?

– Надеюсь, что так.

Джона вытер губы тыльной стороной ладони.

– Иногда ее не бывает допоздна.

– Знаю.

– А что, полицейский опять приведет ее домой?

Стив выглянул в окно.

Спускались сумерки, и вода казалась непрозрачной и матовой. Где сейчас Ронни и что делает?

– Нет, – ответил он. – Не сегодня.

После прогулки по берегу Джона принял душ, прежде чем лечь в постель. Стив укрыл его и поцеловал в щеку.

– Спасибо за классный день, – прошептал Стив.

– Не за что, – сонно отозвался Джона.

– Спокойной ночи. Я тебя люблю.

– И я тебя, па.

Стив поднялся и направился к двери.

– Эй, па!

– Что? – спросил Стив, оборачиваясь.

– А твой па когда-нибудь водил тебя смотреть на морских пауков?

– Нет.

– Но почему? Это было потрясающе!

– Он просто был не таким отцом.

– А каким он был отцом?

Стив тщательно обдумал ответ.

– Дед был человеком сложным, – высказался наконец он.

Сидя за пианино, Стив вспоминал тот день шесть лет назад, когда он впервые в жизни взял отца за руку. Сказал, что знает, как тот старался, чтобы вырастить его, что ни в чем не винит и, главное, любит его.

Отец повернулся к нему. Взгляд был сосредоточенным, и, несмотря на огромные дозы морфия, которые ему кололи, ум оставался ясным. Он долго смотрел на Стива, прежде чем отнять руку.

– Кудахчешь как баба, – медленно выговорил он.

Они находились в частной палате на четвертом этаже больницы. Отец пролежал здесь уже три дня. По руке змеились трубки капельницы, и он больше трех месяцев не ел твердой пищи. Щеки запали, кожа казалась полупрозрачной. Стиву показалось, что его дыхание пахнет разложением: еще один признак, что рак празднует победу.

Стив отвернулся к окну. За стеклом ничего, кроме синего неба и яркого беспощадного солнечного сияния, врывающегося в комнату. Ни птиц, ни облаков, ни деревьев. За спиной слышался размеренный писк сердечного монитора. Он звучал сильно и ритмично, так что казалось, будто отец проживет еще двадцать лет.

Но убивало его не больное сердце.

– Как он? – спросила Ким вечером, когда они говорили по телефону.

– Плохо. Не знаю, сколько ему еще осталось, но…

Стив осекся, представляя, как Ким стоит у плиты, помешивает пасту или режет томаты, зажав телефон между ухом и плечом. Разговаривая по телефону, она никогда не могла усидеть на месте.

– Кто-то еще приходил? – продолжила она.

– Нет.

Он не объяснил, что, если верить медсестрам, отца вообще никто не навещал.

– Ты смог поговорить с ним?

– Недолго. Он почти все время впадал в забытье.

– Ты сказал ему все, что я велела?

– Да, – выдохнул он.

– И что он ответил? Что тоже тебя любит?

Стив знал, какой ответ она хочет услышать. Он стоял в доме отца, рассматривая снимки на каминной доске: крестные родители Стива, свадебные фото его и Ким, маленькие Ронни и Джона.

Рамки были пыльными: очевидно, к ним не прикасались годами. Он знал, что снимки поставила сюда мать, и, глядя на них, гадал, что думал отец, когда смотрел… Да видел ли он их вообще или хотя бы понимал, что они тут?

– Да, – выдавил он наконец. – Он сказал, что любит меня.

– Я рада! – облегченно воскликнула Ким, словно его ответ подтвердил ее понимание этого мира. – Я знала, как это важно для тебя!

Стив вырос в белом домике в стиле ранчо, в окружении таких же домиков в центральной части острова. Домик был маленьким, с двумя спальнями и отдельным гаражом, где хранились инструменты отца и вечно пахло опилками. Задний двор, затененный огромным искривленным дубом, который круглый год не сбрасывал листву, не получал достаточно света, поэтому мать посадила огород перед домом. Она выращивала томаты, лук, репу, бобы, капусту и кукурузу, и летом с крыльца было невозможно увидеть дорогу, проходившую неподалеку от дома. Иногда Стив слышал, как ворчат соседи, жалуясь, что наличие деревенского огорода сильно обесценивает их собственность, но открытого бунта не было, и, кроме того, никто ничего не

смел сказать отцу. Все прекрасно сознавали, что ничего хорошего из этого не выйдет. Кроме того, они любили его жену и помнили, что в один прекрасный день им понадобятся его услуги.

Его отец по профессии был прекрасным столяром, но обладал даром починить все на свете. Много лет Стив наблюдал, как он ремонтирует радио, телевизоры, моторы машин и газонокосилок, текущие трубы, засорившиеся канавы, разбитые окна, а однажды даже гидравлические прессы маленького завода по производству инструментов. Он не закончил среднюю школу, но обладал поразительным интуитивным знанием механики и основ строительного дела. По ночам, когда звонил телефон, отец всегда сам поднимал трубку, потому что обычно звонили ему. Он почти ничего не говорил, выслушивал описание очередной аварии, записывал адрес на клочке бумаги, оторванной от старой газеты. Повесив трубку, отец шел в гараж, набивал ящик инструментами и уходил, не говоря, куда именно и когда вернется.

Как правило, утром под статую Роберта Е. Ли, вырезанную отцом из куска плавника, был аккуратно подсунут чек. Мать брала его, гладила отца по спине и обещала обналичить в банке. Отец тем временем завтракал. Это были единственные регулярные проявления нежности, которые замечал Стив. Правда, они никогда не спорили и избегали ссор. И казалось, им нравилось общество друг друга. Однажды Стив увидел, как они, глядя в телевизор, держатся за руки. Но за все восемнадцать лет, прожитых Стивом в доме, он не заметил, чтобы родители целовались.

У отца была одна страсть в жизни – покер. В те ночи, когда телефон не звонил, отец шел играть в одну из трех лож, членом которых он состоял исключительно из-за игры, и ни с кем там не приятельствовал. Спокойно садился за стол с масонами или ветеранами и играл в покер много часов подряд. Игра завораживала его. Он любил просчитывать различные варианты и возможности, решая, выложить ли карты на стол или сблефовать, имея на руках пару шестерок.

Он говорил об игре как о науке, словно удачливость не имела ничего общего с выигрышем. «Секрет в том, чтобы уметь лгать и знать, когда кто-то лжет тебе», – говаривал он.

Со временем Стив решил, что отец действительно умел лгать. В свои пятьдесят, когда руки скрючились от многолетних столярных работ, он отказался делать резные панели и устанавливать дверные рамы в домах на океанском побережье, во множестве появлявшихся на острове. Кроме того, по вечерам он больше не отвечал на звонки, но каким-то образом ухитрялся оплачивать счета и к концу жизни имел достаточно денег, чтобы оплатить лечение, которое медицинская страховка не покрывала.

Отец никогда не играл в покер по субботам и воскресеньям. Субботы посвящались работам по дому, и хотя огород явно не нравился соседям, зато интерьер был настоящим шедевром: панели, резьба по дереву, каминная консоль из двух кленовых блоков… Он сколотил шкафчики на кухне, а деревянные полы были такими же плоскими и гладкими, как бильярдный стол. Переделал ванную, один раз, другой – через восемь лет. Субботними вечерами он надевал пиджак, галстук и вел жену ужинать. Воскресенья он оставлял для себя. После церкви работал в мастерской, пока жена пекла пироги или консервировала овощи на кухне.

В понедельник все начиналось сначала.

Отец никогда не учил его игре в покер. Стив был достаточно умен, чтобы самостоятельно овладеть основами, и считал, что может различить, когда кто-то блефует. Несколько раз сыграв с однокурсниками в колледже, обнаружил, что игрок он абсолютно средний, не лучше и не хуже других. После окончания колледжа Стив перебрался в Нью-Йорк, но иногда навещал родителей. Впервые он приехал только через два года, и когда вошел в дверь, мать крепко стиснула его в объятиях и поцеловала в щеку. Отец пожал ему руку и сказал:

– Твоя ма скучала.

Подали кофе и яблочный пирог. Когда все поели, отец встал и потянулся за пиджаком и ключами от машины.

Был четверг, а это означало, что он идет в ложу Элкс. Игра заканчивалась в десять, и через пятнадцать минут он уже будет дома.

– Сегодня ты никуда не пойдешь, – сказала ма с более сильным, чем обычно, европейским акцентом. – Стив только что приехал.

Насколько помнил Стив, мать впервые попросила отца не ходить в ложу. Но если тот и удивился, все же виду не подал. Остановился на пороге, а когда повернулся, лицо его было непроницаемым.

– Или возьми его с собой, – настаивала мать.

Отец перекинул пиджак через руку.

– Хочешь пойти?

– Конечно. Почему бы нет? Это совсем неплохо.

На губах отца мелькнула едва заметная улыбка. Сиди они за игорным столом, вряд ли отец позволил бы себе хоть намек на улыбку.

– Лжешь, – бросил он.

…Мать умерла внезапно, через несколько лет после этой встречи. В мозгу лопнула артерия…

В больнице, сидя у постели отца, Стив думал о ее безграничной доброте.

Отец закашлялся и проснулся. Повернул голову и увидел в углу Стива. Сейчас, когда на его лице играли зловещие тени, старик был похож на скелет.

– Ты еще здесь?

Стив ближе подвинул стул.

– Да, я все еще здесь.

– Почему?

– Что значит «почему»? Потому что ты в больнице.

– Я в больнице, потому что умираю. И умру независимо от того, сидишь ты тут или нет. Тебе следует ехать домой, к жене и детям. Ты все равно ничего не можешь для меня сделать.

– Мне хочется быть здесь, – объяснил Стив. – Ты мой отец. Почему ты не хочешь, чтобы я был с тобой?

– Наверное, просто не желаю, чтобы ты видел, как я умираю.

– Если считаешь, что мне лучше уйти, я уйду.

Отец издал странный звук, больше похожий на фырканье.

– Видишь ли, это твоя проблема. Ты стараешься, чтобы я принял решение за тебя. В этом весь ты.

– Может, я просто хочу посидеть с тобой.

– Ты хочешь? Или жена?

– Какая разница?

Отец попытался улыбнуться, но получилась гримаса.

– Не знаю. А разница есть?

Со своего места, за пианино, Стив услышал шум машины. Свет фар прошелся по стенам, и на минуту ему показалось, что это Ронни попросила ее подвезти. Но свет мгновенно пропал, а Ронни по-прежнему не было.

Начало первого. Может, пойти ее поискать?

Несколько лет назад, до того как Ронни перестала с ним разговаривать, они с Ким отправились к семейному психологу, офис которого был расположен около Грамерси-парка, в отреставрированном здании. Стив вспомнил, как сидел на диване рядом с Ким, глядя на довольно молодую угловатую женщину в серых слаксах, имевшую привычку складывать кончики пальцев домиком. Стив заметил, что она не носит обручальное кольцо.

Стиву стало не по себе: поход к психологу был идеей Ким, и она уже приходила сюда одна. Это была их первая совместная встреча, и в качестве вступления Ким поведала психологу, что Стив держит свои ощущения и эмоции при себе, но в этом не он виноват. Его родители тоже были людьми сдержанными, и он вырос в семье, где не привыкли обсуждать свои проблемы. Он искал убежища в музыке, и только сидя за пианино давал волю всем своим эмоциям.

– Это правда? – спросила психолог.

– Мои родители были хорошими людьми.

– Это не ответ на вопрос, – возразила она.

– Я не знаю, какого ответа вы от меня ждете.

Психолог вздохнула.

– Ладно, как насчет обращения к специалисту? Мы все знаем, что случилось и почему вы здесь. Думаю, Ким хочет, чтобы вы ей сказали, какие ощущения вызывает у вас визит ко мне.

Стив долго обдумывал вопрос. Он хотел сказать, что все разговоры о чувствах не имеют смысла. Что эмоции нельзя не контролировать и нет никаких причин волноваться из-за этого. Что, в конце концов, людей судят по их поступкам, поскольку именно они все определяют.

Но он ничего этого не сказал. Только крепко сцепил пальцы.

– Хотите знать, что я при этом чувствую?

– Да, но говорите не мне, а Ким.

Он повернулся к жене, чувствуя, с каким нетерпением она ожидает его слов.

– Я испытываю…

Он был в кабинете вместе с женой и незнакомкой, занятый разговором, который и начинать не следовало бы.

Было пять минут одиннадцатого утра, и он вернулся в Нью-Йорк всего на несколько дней. Турне проходило по двадцати четырем городам, пока Ким работала помощницей адвоката в юридической фирме на Уолл-стрит.

– Я испытываю… – повторил он.

Час ночи.

Стив вышел на заднее крыльцо. Ночь выдалась такой лунной, что можно было легко разглядеть пляж. Он не видел дочь шестнадцать часов и начинал беспокоиться. Правда, она умна и может о себе позаботиться.

И все равно он тревожился…

Неужели завтра она тоже исчезнет и так будет повторяться все лето?

Проводить время с Джоной все равно что обрести несказанное сокровище, но он хотел побыть и с Ронни.

Стив ушел с крыльца, сел за пианино и почувствовал то же самое, о чем когда-то сказал психологу.

Полную опустошенность.

Ронни

В «Боуэрс-Поинт» собралась довольно большая компания, но мало-помалу все стали расходиться, до тех пор пока не осталось пятеро постоянных посетителей. Некоторые были совсем не плохи, а двое казались весьма интересными. Но потом под действием алкоголя началось пьяное веселье и все стало скучным и знакомым, по крайней мере для Ронни.

Она стояла одна у края воды. За спиной горел костер, у которого курили и пили Тедди и Ланс, изредка перебрасываясь горящими шарами. Блейз глотала слова и только что не облизывала Маркуса.

Время было позднее: не по нью-йоркским стандартам, там она показывалась в клубах не раньше полуночи, но из-за раннего пробуждения день казался слишком долгим. Она устала.

Завтра она будет спать допоздна. Вернется домой, занавесит окошко одеялом… Черт, если понадобится, прибьет его гвоздями к стене. Она не собирается все лето вставать вместе с фермерами. Даже если придется проводить день с Блейз на пляже! К ее удивлению, Блейз сама это предложила, и, по мнению Ронни, просьба сильно смахивала на мольбу. Но так или иначе, делать особенно нечего. После закусочной они обошли большинство соседних магазинов, включая музыкальный, оказавшийся довольно крутым, а потом пошли к Блейз смотреть «Клуб выходного дня», пока ее ма была на работе. Конечно, это кино восьмидесятых, но Ронни фильм любила и смотрела раз пятнадцать. Фильм не казался ей устаревшим, все события и герои для нее были удивительно реалистичны. Более достоверны, чем происходящее здесь и сейчас. Особенно потому, что чем больше Блейз пила, тем больше забывала о присутствии Ронни и висла на Маркусе.

Ронни уже успела понять, что Маркус ей не нравится. Мало того, она ему не доверяла. Внутри у нее был некий камертон, позволявший довольно быстро разбираться в парнях, и она чувствовала, что с ним что-то не так. Словно во взгляде Маркуса что-то отсутствовало, когда он обращался к ней. Нет, ничего такого, все было спокойно, никаких безумных предложений сбежать во Флориду, но чем больше времени она проводила с ним, тем сильнее он ее отпугивал. Ей и Тедди с Лансом не нравились. Но Маркус… Ей казалось, что нормальное поведение для него – просто способ манипулировать людьми.

А Блейз…

Пребывание в ее доме тоже казалось странным, потому что все было таким обыденным. Дом стоял в тихом тупичке и мог похвастаться ярко-голубыми ставнями и американским флагом, трепетавшим на ветру. Внутри стены были выкрашены в теплые тона, а на обеденном столе стояла ваза с живыми цветами. Всюду прибрано, но без культа чистоты. На кухонном столе лежали деньги вместе с адресованной Блейз запиской. Блейз объяснила, что мать всегда оставляет ей деньги. Таким образом она, даже если не приходит домой, знает, что дочка ни в чем не нуждается.

И все-таки здесь что-то настораживало.

Ронни очень хотелось поговорить с Блейз о Маркусе, но она понимала, что из этого ничего хорошего не выйдет. Так было и с Кейлой: та никогда не слушала советы. Бесспорно, Маркус – дурной человек; почему же Блейз этого не видит? Может, завтра удастся поговорить об этом на пляже?

– Мы тебя утомляем?

Обернувшись, она оказалась лицом к лицу с Маркусом. Он катал огненный мяч на тыльной стороне ладони.

– Я просто хотела спуститься к воде.

– Принести тебе пива?

Судя по тону вопроса, он уже знал ответ.

– Я не пью.

– Почему?

«Потому что это толкает людей на дурацкие поступки», – хотела она сказать, но промолчала. Любое объяснение только затянет разговор.

– Не пью, и все, – коротко ответила она.

– Значит, нет? – не отставал он.

– Значит, нет.

Губы Маркуса искривились в подобии улыбки, но глаза потемнели от злости.

– Считаешь себя лучше всех нас?

– Нет.

– Тогда пойдем.

Он показал в сторону костра.

– Посиди с нами.

– Мне и здесь хорошо.

Он оглянулся. Ронни увидела, как Блейз роется в переносном холодильнике в поисках пива. Только этого ей и не хватает! Она и так едва стоит на ногах!

Неожиданно Маркус шагнул ближе, обнял ее за талию и притянул к себе.

– Пойдем погуляем!

– Нет, – прошипела она. – Я не в том настроении. И убери руку!

Но он не послушался и, похоже, наслаждался происходящим.

– Волнуешься о том, что подумает Блейз?

– Просто не хочу, и все!

– Блейз наплевать!

Ронни отступила, увеличивая расстояние между ними.

– Мне не наплевать. И пора домой.

Он продолжал смотреть на нее в упор.

– Давно пора.

Потом, почти без паузы, воскликнул так громко, чтобы услышали остальные:

– Нет, я, пожалуй, останусь. Но спасибо за приглашение.

Ронни была слишком шокирована, чтобы ответить, и молча пошла по берегу, зная, что Блейз смотрит ей вслед. Ей вдруг захотелось как можно скорее убраться отсюда.

Подходя к дому, она услышала музыку. Отец по-прежнему играл, но как только она вошла, покосился на часы. После того, что сейчас произошло, ей не хотелось спорить еще и с ним, и она молча пошла по коридору. Но он, должно быть, что-то понял по ее лицу, потому что окликнул:

– Ты в порядке?

– Да, – поколебавшись, выдавила она.

– Уверена?

– Не хочу об этом говорить.

– О’кей, – кивнул он, присмотревшись к ней.

– Что-то еще?

– Уже почти два ночи.

– И?..

Он склонился над клавиатурой.

– Если ты голодна, возьми в холодильнике пасту.

Нужно признать, что ему удалось ее удивить. Ни лекций, ни приказов, ни скандалов. На его месте ма вела бы себя совершенно иначе.

Она покачала головой и зашагала в спальню, задаваясь вопросом, есть ли в ее жизни что-то нормальное.

Она забыла занавесить окно одеялом, и солнце яркими лучами ворвалось в комнату, опять разбудив ее на рассвете.

Застонав, Ронни повернулась лицом к стене, накрыла голову подушкой. И сразу вспомнила вчерашний вечер на пляже.

Ронни тут же села, поняв, что больше ей не уснуть.

Маркус определенно ее пугал.

Наверное, следовало бы ответить что-то, когда он демонстративно отказался от ее якобы приглашения. Что-нибудь вроде: «О чем это ты, черт возьми?» Или: «Ты спятил, если воображаешь, будто я способна остаться наедине с тобой!»

Но она ничего не сказала, и, похоже, поступила по-дурацки, когда молча ушла. Ничего хуже она не могла сделать.

Ей действительно необходимо поговорить с Блейз.

Ронни со вздохом встала и босиком пошла в ванную. Наскоро вымылась, натянула купальник, оделась, сунула в сумку лосьон и полотенца.

Отец уже играл на пианино.

Опять.

Дома он никогда не играл так много.

Прислушавшись, она узнала одну из тех мелодий, которую когда-то играла в «Карнеги-холле». Та самая, диск с которой ставила ма в машине.

Можно подумать, мало ей всего, так еще и это!

Нужно найти Блейз и объяснить, что произошло. Только непонятно, как это сделать, не выставив Маркуса лжецом. Блейз, естественно, поверит ему, и кто знает, что этот тип наговорил после ухода Ронни!

Но об этом она будет беспокоиться, когда настанет время. Может, лежание на солнце размягчит мозги Блейз и все пройдет как по маслу.

Ронни вышла из спальни как раз в ту минуту, когда музыка смолкла, только для того чтобы вновь начаться второй пьесой, которую она играла в «Карнеги-холле».

Девушка остановилась, поправляя на плече сумку. Конечно, следовало ожидать, что он это сделает: услышал шум воды и понял, что она проснулась. Пытается найти с ней общий язык.

«Только не сегодня, папочка! Прости, но у меня есть дела. И никакого настроения начинать с тобой разговор!»

Она уже хотела метнуться к двери, когда из кухни появился Джона.

– Разве я не говорил, чтобы ты взял себе на завтрак что-нибудь полезное? – спросил его отец.

– Я взял. Это поп-тарт[2].

– Я имел в виду что-то вроде овсяных хлопьев.

– Но в печенье много сахара, – серьезно напомнил Джона, – а мне нужно побольше энергии.

Ронни быстро прошла через гостиную, надеясь добраться до двери прежде, чем Джона попробует с ней заговорить.

– Привет, Ронни! – улыбнулся брат.

– Привет, Джона. До свидания, Джона.

Она потянулась к дверной ручке.

– Солнышко! – окликнул отец. – Можем мы поговорить о прошлой ночи?

---

[2] Сладкое двухслойное печенье.

Как ни странно, он перестал играть.

– У меня нет времени разговаривать, – проворчала она, поправляя ремень сумки.

– Я всего лишь хочу знать, где ты была весь день.

– Нигде. Это не важно.

– Очень важно.

– Нет, па, – твердо возразила она. – Не важно. И у каждого свои дела, верно?

Джона тут же встрял в разговор, размахивая печеньем:

– Какие дела? И куда ты идешь сейчас?

Именно этого она и старалась избежать.

– Не твое дело.

– И сколько тебя не будет?

– Не знаю.

– Вернешься к обеду или к ужину?

– Не знаю, – повторила она. – Я ухожу.

Отец снова стал играть. Третья пьеса, с которой она выступала в «Карнеги-холле»!

С таким же успехом он мог поставить диск матери!

– Мы сегодня собираемся запускать змеев! Я и па!

Ронни, словно не слыша его, резко повернулась к отцу:

– Да замолчи ты!

Он перестал играть.

– Что?

– Музыка, которую ты играешь! Вообразил, что я не узнаю пьесы? Я понимаю, что ты делаешь, и уже сказала, что не подойду к пианино!

– Я тебе верю, – кивнул отец.

– Почему же ты пытаешься заставить меня изменить решение? Почему каждый раз, когда я тебя вижу, ты сидишь тут и барабанишь по клавишам?

Отец, казалось, искренне недоумевал.

– К тебе это не имеет никакого отношения. Просто… так я себя лучше чувствую.

– А меня от этого тошнит! Не понял еще? Ненавижу пианино! Ненавижу, когда приходится играть каждый день! И видеть не могу эту чертову штуку!

Не дожидаясь ответа, она повернулась, выхватила печенье у Джоны и вылетела за дверь.

Прошло часа два, прежде чем она отыскала Блейз в том же музыкальном магазине, где они были вчера, в паре кварталов от пирса. В первое посещение Ронни не знала, чего ожидать: подобные магазины казались устаревшими в век айподов и «YouTube», но Блейз заверила, что оно того стоит, и не преувеличила. Кроме дисков там были настоящие альбомы с виниловыми пластинками: тысячи альбомов, многие – коллекционные, включая ни разу не открытый экземпляр «Эбби-роуд», и пластинки на сорок пять оборотов, просто висевшие на стенах, с подписями знаменитостей вроде Элвиса Пресли, Боба Марли и Ричи Валенса. Ронни поразилась тому, что пластинки не заперты под замком. Они, должно быть, дорогие, но парень, который управлял магазином, выглядел так, словно навек остался в шестидесятых и знал всех музыкантов. Длинные седые волосы были стянуты в доходивший до талии хвост, а на носу сидели очочки, как у Джона Леннона. Сандалии, гавайская рубашка… И хотя Ронни он годился в дедушки, все же знал о музыке больше, чем любой из ее знакомых, и со знанием дела рассуждал о многих представителях андеграунда, которые были абсолютно Ронни неизвестны. Вдоль задней стенки были разложены наушники, чтобы покупатели могли прослушать альбомы и диски и записать музыку на айподы.

Заглянув в окно этим утром, она увидела Блейз, прижимавшую наушники к уху одной рукой и отбивавшую ритм по столу – другой.

Видимо, она вовсе не собиралась проводить день на пляже. Ронни глубоко вздохнула, прежде чем войти. Как бы ни паршиво это звучало, она считала, что Блейз вообще не должна пить, но все же надеялась, что та была настолько не в себе, что не помнила случившегося. А еще лучше, если бы она была настолько трезвой, чтобы понять: Ронни Маркус не интересует.

Шагнув в проход, где продавались диски, она сразу поняла, что Блейз ее ждет, потому что уменьшила громкость, хоть и не сняла наушники совсем, и обернулась. Ронни все же слышала музыку, что-то оглушительное и агрессивное, хотя не знала названия. Блейз собрала диски.

– Я думала, мы подруги, – начала она.

– Мы и есть подруги. И я искала тебя, потому что не хотела, чтобы ты не так поняла случившееся прошлой ночью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.